

**АНДРЕЙ
ЛЕВИЦКИЙ**

ОРУЖИЕ ЛЕСА

Survarium

Андрей Левицкий

Оружие Леса

«Автор»

2015

Левицкий А. Ю.

Оружие Леса / А. Ю. Левицкий — «Автор», 2015 — (Survarium)

ISBN 978-5-699-77418-0

Подарок прилагается к бумажной версии произведения! Пытаясь разгадать тайну пропавшего отца и разобраться в секретах прошлого, Стас Логин отправляется в легендарное поселение Край, расположенное на границе обитаемого мира. Про Край много рассказывают, но мало кто знает, что происходит там на самом деле. Дорога туда трудна, особенно когда тебя преследует отряд ренегатов из Армии Возрождения. Ну а если на пути твоём встает хитрый как змея старейшина Края, отряд боевой разведки «лесные волки» и сам Палач... Этот человек не зря получил свое прозвище! Теперь величайший убийца Мира Выживших охотится на нашего героя. Хотя... Кто на кого охотится? Ведь Стас Логин не сопливый новичок в деле уничтожения ближнего и дальнего своего. Опытный боец, он умеет выживать. Умеет драться. Знает, как запутать следы и стравить врагов друг с другом. Но главное – он умеет убивать. А это самое важное умение в Мире Выживших. Особенно если все говорит о том, что сам Лес начал войну против тебя!

ISBN 978-5-699-77418-0

© Левицкий А. Ю., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	37
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Левицкий Оружие Леса

На каждый удар есть контрудар. На каждое действие есть противодействие. На любую силу может ответить... нет, не еще большей силой. Всегда может найтись человек, который столкнет эту силу с другой, такой же. Который направит всеограшающее ядро в непробиваемую стену.

В этой истории таким человеком стал я.

*Некоторое время назад банда с Черного рынка похитила моего напарника, **Михаила**. Мы с ним были охотниками на мутантов. Он гораздо старше меня, бывший военный. Вскоре после Пандемии, которая уничтожила старый мир, Михаил спас меня, еще почти ребенка, от смерти. Свою мать я забыл, а про отца помню совсем немного. Кажется, он был ученый, но куда он исчез в тот страшный год катастрофы... за десятилетия, полные опасностей и лишений, все это почти начисто стерлось из моей памяти.*

В прошлом Михаила была тайна, которую он не открывал даже мне, своему единственному другу. О ней напоминал медальон, который напарник всегда носил на груди: пластинка со спрятанной внутри микросхемой-ключом. Какую дверь можно открыть ею, не знал никто, кроме напарника. Когда его выкрали, Миша сумел оставить электронный ключ на месте похищения, и позже я нашел его.

*Отправившись вслед за похитителями на **Черный Рынок**, я вскоре выяснил, что Михаил выкрала банда некоего **Метиса**. Пытаясь отыскать место, где держат напарника, я узнал, что некоторое время назад бандиты получили информацию про таинственный **Полигон Смерти**. Там хранится что-то сверхценное, и до Пандемии Михаил служил на Полигоне. Еще я узнал, что бандиты держат его в старом фургоне и накачали «наркотиком правды», чтобы выведать как можно больше о Полигоне Смерти.*

*Ночью я проник в фургон, стоящий среди лагеря банды, но отравленный наркотиком Михаил умер на моих руках. Он успел лишь сказать, что я должен добраться до Полигона Смерти, потому что тот связан с чем-то важным в моей жизни. По пути мне нужно отыскать **Травника**, нашего общего знакомого, который может рассказать кое-что интересное про моего давно исчезнувшего отца.*

Эти сведения заставили меня по-новому взглянуть на мою жизнь. Получается, мое прошлое, мой напарник, мой отец, Полигон Смерти, окруживший наш мир смертельный Лес и сама катастрофа – все это переплетено в запутанный и странный клубок.

Не сумев спасти друга, я отправился вслед за Метисом и его бандой. После смерти Миши бандиты выдвинулись как раз в нужном мне направлении, то есть туда, где жил Травник, общий друг моего погибшего напарника и моего давно исчезнувшего отца.

*У меня было две цели: отомстить и раскрыть тайну Полигона Смерти. По дороге выяснилось, что банда Метиса вступила в сговор с отрядом **рenegатов**, сбегавших из **Армии Возрождения**. Теперь вся эта компания приближалась к Полигону Смерти, надеясь раздобыть там нечто, что должно помочь им изменить весь расклад сил в нашем Мире Выживших.*

*Я тайно следил за ними вплоть до заброшенного городка под названием **Мичуринск-2**. Там в старой дворницкой обитал Травник. Но неожиданно выяснилось, что от ближайшего массива **Леса**, непроходимой стеной окружающего наш мир, к Мичуринску-2 протянулось лесное «щупальце». Бродяги, обитающие в городке, исчезли, как и сам Травник. В его жилище я нашел тайник, где была запертая металлическая дверь. А еще – сверток с половиной зашифрованного дневника (вторую половину кто-то вырвал) и бутылочкой, полной светящейся зеленой субстанции. Из лабораторных записей Травника я узнал, что это вещество называется **тонином**. Таких тоников он сделал три: **Темнозор**, **Мутагон** и **Антилес**, их надо вколоть*

себе, чтобы добраться до места под названием **Лесной угол**. Увы, больше ничего узнать не получалось – на расшифровку дневника Травника не было времени, я должен был следовать за сводным отрядом бандитов/ренегатов дальше к Полигону Смерти.

Вскоре мы достигли края болота, после чего скрытно преследовать отряд стало слишком опасно и сложно. Я сумел повернуть дело так, что Метис принял меня в отряд как проводника-охотника, который может провести его людей через опасные болота. Дальнейший путь мы преодолели совместно, в дороге я познакомился с **Шутером** – бойцом-ренегатом, а еще с пленной женщиной по имени **Аля**. Она была сестрой **майора Шульгина**, бывшего командира ренегатов, которую бандиты похитили, чтобы прикрывать Алей как щитом.

В дороге мы спасли человека по имени **Калуга** – весельчака и остролова, болотного охотника, случайно угодившего в топь. Он согласился помочь нам в качестве второго проводника, лучше меня знающего местные тропы.

И вот перед нами Полигон Смерти. Выяснилось, что это военно-научный комплекс со старой ракетной шахтой в центре. И там, в шахте, обитают мутанты, которые в найденных нами архивах называются **файтерами**. Ими можно управлять из командного центра, дверь в который отпирается тем самым электронным ключом, что носил на шее погибший напарник Михаил. До Пандемии он служил здесь начальником охраны и был знаком с моим отцом.

Но самое главное, что я узнал: отец работал заведующим лабораторией, создавшей файтеров.

По дороге к шахте погибла большая часть отряда Метиса. В живых остались только Шутер, Аля, Калуга и Метис, главарь банды, приказавший вколоть моему напарнику смертельный наркотик. Этому человеку я хотел отомстить больше всего на свете.

В лаборатории под старой шахтой, теперь превратившейся в обиталище мутантов-убийц, произошла моя схватка с Метисом. Перед тем он успел принять сыворотку, изобретенную, судя по всему, моим отцом. Этот препарат стимулировал метаболизм и резко повышал тонус, на время превращая человека в супермена. Справиться с Метисом своими силами я не мог, зато сумел натравить на него живущих в шахте файтеров. Метис, превратившийся благодаря сыворотке в настоящего монстра, перебил их несколько десятков, но в конце концов был растерзан толпой обезумевших от крови мутантов.

Выбравшись из шахты, раненный и обессиленный, я встретился с болотным охотником Калугой, который дожидался меня неподалеку. Вместе мы покинули Полигон Смерти, после чего расстались.

После этого несколько дней у меня ушло на расшифровку дневника Травника. Из него я выяснил, что три тоника, Темнозор, Мутагон и Антилес, были сделаны по рецепту человека, которого Травник в своем дневнике называл **Шаманом**. Раньше Травник обитал в поселении под названием **Край**, жители которого единственные в Мире Выживших умеют входить в смертельный Лес. Когда-то давно Шаман пришел в Край – тогда они с Травником и познакомились. Позже Шаман исчез, и с тех пор Травник искал его. Из различных намеков я сумел понять: Шаман – мой отец! Такое прозвище он получил после Пандемии за свои необычные способности и идеи. Именно из-за них, сочтя мысли Шамана еретическими, старейшины Края изгнали его. Три тоника, Темнозор, Мутагон и Антилес, надо вкалывать себе с небольшим промежутком, и каждый как-то влияет на тело, что-то меняет в нем... Используя все три тоника, я смогу войти в Лес и найти своего отца, прячущегося где-то посреди бескрайних и загадочных лесных просторов.

Но где искать два оставшихся тоника? И вторую половину дневника Травника? Кажется, выход у меня лишь один: идти в поселение Край, ведь Травник оттуда. Покинув Мичуринск-2, он мог вернуться в родные места. Да и мой отец – то есть Шаман – тоже

бывал в Крае... Там я смогу узнать больше про этих двоих и, возможно, раскрыть тайну всего нашего мира.

На следующее утро после окончательной расшифровки дневника я отправился на северо-запад. Впереди была река, потом лагеря бродяг и два обширных пятна Леса. Далеко за ними в туманной пелене лежало поселение Край...

Часть первая В сторону края

Глава 1 Разборка в заброшенном городе

Женский крик раздался, когда я подошел к городу. То есть не женский – совсем молодая девчонка кричала. Приглушенно, слов не разобрать. Первая моя мысль была, что это ловушка, пси-аномалия – морочит, подманивает! А вторая, что там все-таки люди. Я упал на землю, направив ствол винтовки в сторону двухэтажки, откуда донесся крик.

Здание было моей целью с тех пор, как час назад я увидел его, забравшись на дерево. Я-то думал, во всем городе никого нет, очень уж вид у него заброшенный, а тут этот крик. Или все же аномалия? Но ведь не похоже...

Надо проверить.

С этой мыслью я натянул перчатки и пополз. Медленно пополз, тихо, будто змея: маленькая, но опасная. Ядовитая. Жалом мне служила итальянская машинка «Veretta ARX-160» в модификации «Carbine», то есть с укороченным стволом, и к тому же с подствольником. Жаль, что граната только одна, осколочно-фугасная. А еще в тощем рюкзаке на спине три сменных магазина, и в чехле на поясе охотничий нож.

В рюкзаке, кроме прочего, был дневник человека по прозвищу Травник, а в потайном кармане моей камуфляжной куртки хранилась бутылочка с тоником под названием Темнозор.

С северо-востока в лицо дул легкий ветерок – я ощутил его некоторое время назад, и с тех пор он не стихал ни на миг. Ветер нес едва уловимые странные запахи. *Дух Леса*, так я его называл. Ведь я, на самом деле, подходил не просто к Краю – я приближался к Краю Мира. К границе бесконечного Леса, обступившего кусок земли, на котором нам всем приходилось выживать.

Преодолев пустырь, вскочил и бегом достиг здания. Второй этаж его украшала вывеска, на которой угадывались буквы: «ПТЕКА». Ее-то я и заметил с дерева. На первом этаже до катастрофы находился магазин, в широкое окно виднелись разбитые прилавки, стеллажи, даже истлевшая табличка «ХЛЕБ». Магаз обыскивать не было смысла, там все давно подчищено. Зато в «птеке», хотя она тоже разграблена, где-нибудь в углу, за шкафом или под плинтусом могла завалиться упаковка со шприцем. Который мне, мутант задери, очень нужен!

Подскочив к окну без стекла, я упал на колени и просканировал стволом торговый зал. Ничего... ничего... пыль... плесень... обломки... ничего... а вот что-то. След. Четко видимая в пыли цепочка, отпечатки подошв, причем каких-то маленьких, хотя отсюда толком не видно. Надо подойти ближе.

А крики больше не слышны. Что это значит? Да фиг его знает, сейчас разберемся.

Убедившись, что в зале никого, я перемахнул через подоконник. Следы и вправду оказались маленькие, вроде детских. Они тянулись к лестнице, ведущей на второй этаж, то бишь к «птеке». Бесшумно взбегая по ступеням, я услышал доносящиеся сверху звуки: скрип, шуршание, тонкий взвизг. Потом мужской голос что-то пробубнил – такой низкий, раскатистый, будто ломом колотят по пустой бочке.

Ударом ноги я опрокинул висящую на одной петле дверь и прыгнул в проем, готовый стрелять.

С потолка свисали лохмотья паутины, густо усыпанные штукатуркой и пылью. Мебель давно превратилась в обломки, на полу блестели осколки стекла. А вдоль стены по другой сто-

роне зала шагал высокий рыжеволосый бородач в одежде из звериных шкур, с башкой медведя-шатуна, свисающей между лопаток на манер капюшона. Башка была огромная, я и не знал, что существуют такие шатуны. Глаза черные, как два шара под косматыми бровищами, мохнатое рыло, клыки... некоторые, особенно жители Края, вешают себе на куртки головы зверей, но клыки или зубы им перед тем выдирают, а у этого в пасти рос целый костяной лес.

На поясе рыжебородого висел тесак нехилого размера, а вытянутой рукой он за горло держал девчонку. Ребенка или подростка... с ними, с девчонками, в определенном возрасте не разберешь. Вроде еще дите неоперившееся, а вроде уже девица, пусть и на ранней стадии созревания. Такая голенастая, как жеребенок, худая. В косынке, черной курточке и обтягивающих штанах до колен. Она дергала тонкими ногами, сипела, выпучив глаза, и была, кажется, на последнем издыхании. Вот-вот копытца отбросит. Что не мешало ей драть ногтями обеих рук толстое запястье душителя, поросшее густыми рыжими волосами.

Худая не худая, но весить она должна килограммов тридцать, не меньше. А бородач запросто держал ее в вытянутой руке.

Эти двое находились ко мне боком, рыжий как раз шел мимо большого окна – картина получилась, как в рамке. Не услышать мое появление он не мог. Я нацелил на него «Карбайн», а он с разворота швырнул в меня девчонку.

Мужик оказался реально сильный – метнул ее что твое ядро. Я машинально вскинул ствол выше, чтоб не попасть в дите, и вдавил спусковой крючок.

Только, в Лес бога душу мать, это оказался крючок подствольника!

Сам не понимаю, как так вышло. Шестеренка какая-то в мозгу соскочила, Лес попутал – не знаю. В общем, мой нарезной сорокамиллиметровый «GLX-160» харкнул гранатой, как вишневой косточкой. Выстрел угодил под самый потолок над головой рыжего. Через миг девчонка, ставшая лягающимся клубком коленок и локтей, сбила меня с ног. А еще через миг от «птеки» осталось половина «птеки».

Вся дальняя часть зала обвалилась в клубах трухи и кирпичной крошки, прогрехотав на прощание каскадом осыпающихся обломков.

В принципе, такого не должно быть. Гранатометный выстрел – это тебе не ядерная боеголовка. К большим разрушениям он отродясь не приводил. Наверное, здание сильно обветшало, а может, его подточила какая-то аномалия – слышал, бывает такое. Так или иначе, стена вместе с частью пола и потолка обвалились, оставив рваную дыру. Как будто кто-то зубами вырвал кусок из бруска пенопласта.

Стук обломков, хруст и треск быстро смолкли. Я лежал навзничь, а девчонка стонала, потирая горло, на мне. Совсем близко я разглядел измазанную грязью веснушчатую рожицу, выбившуюся из-под косынки прядь волос, глаза... и вдруг поразился тому, как они смотрели.

То есть я понял: они не смотрят. Ребенок слеп!

Это было и неожиданно и так... необычно, что ли. Я оторопел. Девочка, придя в себя, на четвереньках отскочила в сторону и припала к полу, будто лисица, готовая отступить бегством. Повернула голову влево, вправо... Неужели все-таки видит? Да нет же – точно слепая. А может, это мутант какой-то? Новая порода? Пси-мутант, имитатор, и на самом деле передо мной совсем не человеческое существо, на самом деле там под людским обликом прячется что-то мохнатое и острозубое... Я мотнул головой, отгоняя морок. Ее незрячие глаза обратились ко мне, или, если быть точнее, они слепо уставились на конкретную часть моего тела – на поясницу. Туда, где в куртке был потайной карман, в котором лежала бутылочка с тоником, найденным в Мичуринске-2.

Махнув рукой на все эти странности, я вскочил, бросил: «Не бойся, я тебе ничего не сделаю», – и поспешил к пролому. Вполне вероятно, что рыжего завалило насмерть, но надо проверить.

Оказалось, что таки не насмерть. Когда я остановился на краю пролома и направил вниз ствол, куча битых кирпичей под стеной зашевелилась, из глубины ее донесся хруст, она дрогнула и просела. Я подался вперед, прицелился. Как только бородач покажется – размажу рыжую башку по кирпичам. Потому что не дело это – детей душить. Пусть даже таких странненьких.

В магазине «Карбайна» патроны калибра 7.62, что радует, так как это означает одну простую вещь: я использую магазины от «калашников». Вот был бы мой ствол калибра 5.56, пришлось бы шукать по округе редкий натовский стандарт, тот, что идет под их винтовки «M16». Но в этом-то и прелесть «беретты»: она мультикалиберная, даже и не выговоришь с ходу. То есть когда на этой пушке меняешь ствол с затвором, то меняешь и ее калибр. Так что с боеприпасом у меня порядок – хватит, чтобы залить рыжего здоровья свинцовым дождем, да еще и останется.

Когда я встал на краю пролома, сзади донесся тонкий, певучий голосок, напоминающий журчанье весеннего ручейка и очень не вяжущийся со всем происходящим:

– Сюда идут...

Куча внизу шевелилась, я не оглядывался, напряженно целясь.

– Сюда идут люди, – повторила девочка. – Быстро. Опасные. Окружили. Сейчас будут тут.

Она говорила отрешенно, будто издалека наблюдала за чем-то, что ее не очень-то и касалось.

– Откуда ты знаешь? – спросил я. – Я никого не...

– Чувствую.

Блин, чувствует она! Помимо воли оглянулся – девочка стояла посреди зала, слепо тарашась в пространство. Или, вернее, она слепо тарашилась на меня – причем, судя по наклону головы, внимание ее снова было приковано к моей пояснице, к потайному карману на куртке, к лежащей там бутылочке... Которая вдруг начала нагреваться.

Для меня это стало самой большой неожиданностью из всех, что произошли за сегодня. Тоник в бутылке не раскалился, но потеплел так, что я это явственно ощутил сквозь стекло, подкладку и рубаху. Такое чувство, что изменение температуры было откликом на присутствие девочки, на ее взгляд... Но как жидкость в бутылке может среагировать на человеческое внимание? Лес заберит все эти чудеса!

– Что происходит, малая? – спросил я. – Какого хрена эта штука...

Тут внизу громко треснуло. Надо полагать, бородач под кирпичами догадывался, что сверху его держат под прицелом, а может, даже видел меня сквозь щели – короче, он не просто так лежал, он готовился. И, выбрав момент, ломанулся прочь в облаке разлетевшихся обломков. С такой впечатляющей скоростью, что я не успел его подстрелить. То есть я бы успел, если бы меня не отвлек отряд, показавшийся на раздолбанной асфальтовой улице, в начале которой стояла двухэтажка.

Две пары бойцов приближались мелкими перебежками. Один вскинул руку, показал на меня, потом сделал жест, будто обращаясь к кому-то, кого я не видел. Там что, еще кто-то к двухэтажке подгребает? То есть ее окружают, как слепая и сказала?

Рыжего бородача внизу уже не было – пробежав вдоль стены, он исчез в густых лопухах. Я снова оглянулся и обомлел, поняв, что девочки в зале тоже нет. Слиняла, пока смотрел наружу. Ну то есть красавец я – влез в непонятную разборку этих двоих, теперь они исчезли, а я остался в окруженном здании.

Вот только кто эти люди, которые меня обложили? Или они не меня конкретно пасут? Надо как-то выбираться... Куда девочка могла убежать? Или вниз по лестнице или вон в ту подсобку, дверь которой виднеется в углу. Я побежал было к лестнице, но услышал шаги: в «птеку» поднимались сразу несколько человек.

– Ствол на пол и замри! – донеслось снизу.

Сделав одиночный выстрел в проем лестницы, я отскочил к двери подсобки. Раздался знакомый женский голос:

– Стас, не стреляй! Тебя окружили, лучше сдайся!

Вот так! Это же Аля, сестра майора Шульгина, командующего ренегатами из Армии Возрождения. Мы с ней расстались вполне мирно, перед тем весело проведя время на берегу уединенного озера, а теперь что получается, она своих людей за мной привела?

Из подсобки я дал еще один одиночный, чтобы тормознуть их на лестнице, потом стянул со спины рюкзак. Там лежал дневник Травника, который не должен находиться ни в чьих руках, кроме моих. Вытащив тетрадь, свернул трубкой и сунул в дыру, оставшуюся на месте вырванного шмата бетона. Дыра не очень большая, но глубокая, и я вбил в нее тетрадь сильным хлопком ладони. Потом встал на одно колено возле двери подсобки и в третий раз выстрелил по лестнице, на которой мелькнул силуэт.

Снова раздался голос Али:

– Стас, прекрати!

– Эй, ты! – прокричал другой голос, мужской, властный. – Слышь, охотник?

– Ну? – громко ответил я, выживая из потайного кармана тускло светящийся зеленым бутылек с тоником.

– Мутанту хвост гну! Охренел, смерти ищешь?!

– Нет, простого человеческого счастья, – пробормотал я, сжимая тоник в кулаке и быстро оглядываясь.

– Что ты там лопочешь? Щас мы тебя завалим!

– Григорий! – подала голос Аля.

– Не вмешивайся, Алина! Охотник, слушай внимательно: даю пять секунд. Потом швыряем туда пару гранат. И все, конец тебе, ты это понимаешь, гнида лесная?!

Ну вот, еще и обзывается. Мы не выносим людей с такими же недостатками, что и у нас. Этот майор Шульгин мне с первых слов не понравился – наглый слишком и резкий, судя по манере говорить. И самоуверенный. Тринадцать гребаных мутантов, как говорил один мой знакомый, я и сам такой! Но к себе я отношусь с пониманием и одобрением, а этот Шульгин... нахальный, самодовольный, заносчивый тип. Наверное, и бабам нравится. Так и хочется с ходу дать в бесстыжую рожу. Мне небось тоже многие с первого взгляда хотят двинуть.

Они ждали ответа, а я медлил, выискивая взглядом другой схрон. Прятать и дневник и тоник в одном месте плохо, нужно что-то еще. Но подсобка эта аптечная – просто бетонный короб с дверным проемом... Ага, вот!

Залепленная паутиной дыра темнела в дальнем углу, и я прыгнул туда, крикнув:

– А на кой мне выходить? Вы меня, может, хотите просто завалить без сопротивления! И гранат у вас нет!

– Есть у них... у нас гранаты, Стас! – прокричала в ответ Алина.

А братец ее майор добавил:

– Ты нам нужен живой. По возможности.

Живой, значит? Любопытно. Я стволом приподнял паутину и сунул под нее тоник. Поглубже сунул, пока бутылек не уперся во что-то. Потом снова прикрыл паутиной, развернулся и прокричал:

– Так зачем я вам?

– Все, я до трех досчитал! – ответил Шульгин. – Скажи жизни «пока-пока»!

Почему-то я ему поверил, голос у него был такой... ну, как у меня, когда я обещаю нечто, что непременно собираюсь выполнить. Поэтому я ответил:

– Хорошо, выхожу! Спокойно там, пальчики с крючков уберите!

Шагнул к проему, положил «Карбайн» на пол, поднял руки. Оно, конечно, один известный мужик когда-то сказал: тот, кто может отказаться от свободы ради безопасности, не

достоин ни свободы, ни безопасности. Красиво сказал, возвышенно. Но у меня философия попроще, я считаю, что люди делятся на два типа: на пока еще целых и на тех, кого подорвали гранатой. Сам я до сих пор относился к первой категории и хочу, чтоб и дальше было так. Поэтому я вышел из подсобки с поднятыми руками и после окрика: «На колени, падла!» – опустился на колени. И без дальнейшего сопротивления дождался, когда с лестницы один за другим появятся пятеро. Двое были обычными с виду бойцами с «калашниками» в руках, третий – старый знакомый Шутер, низкорослый дезертир из разгромленной мной сводной банды Метиса. Некоторое время назад я пощадил Шутера, хотя должен был бы пристрелить, но теперь он особого дружелюбия не проявил, а сделал морду кирпичом, будто не узнал. Четвертым оказался красивый вихрастый мужик с голубыми глазами, смахивающий на этакого разудалого донского казака и вооруженный пистолетом. А пятой – Аля. Чертами лица они с вихрастым были схожи.

Должно быть, своим сопротивлением я майора Шульгина слегка достал, потому что, приблизившись, он заехал мне рукоятью пистолета между глаз. Сильно так заехал, смачно – я грохнулся на спину, еще и затылком ударился. Стоя надо мной и покачивая пистолетом, командир ренегатов, покинувших Армию Возрождения, сказал:

– Что-то ты какой-то мелкий, я думал, покрупнее будешь. Сейчас у нас с тобой, охотник, состоится разговор. Такой серьезный разговор, мужской, после которого ты, может, и не выживешь.

Глава 2

Мужские разговоры

– Вы очумели, служивые? – возмутился я. – Рядом с «газовой камерой» лагерь разбивать?! Заберите меня кто-нибудь от этих придурков!

Стул подо мной громко скрипнул, когда я попытался встать. Обычно это человеку удается без труда, незатейливое дело – встать со стула, но я-то был связан, руки стянуты за спинкой, и поэтому своей цели не достиг. Жаль, что перчатки у меня забрали. В одной из них спрятан тычковый ножик – были бы они до сих пор на руках, я бы его вытащил и перерезал веревки.

Мы находились в подвале на краю брошенного города. Какой-то большой магазин, трехэтажный, как я понял по дороге сюда. В сгущающихся сумерках разглядел, что крыши нет, верхний этаж наполовину разрушен, над ним торчат кроны деревьев. Как они там проросли наверху, непонятно.

Большая часть подвала была заставлена высокими тумбами с выпуклыми экранами, где были всякие дурацкие картинки: арбузы, монетки, вишенки, машинки и прочая ерунда. Эти устройства до Пандемии назывались игровыми автоматами, покойный напарник рассказывал про них. И чем только люди не занимались от безделья. Это ж надо вести настолько пустую, никчемную жизнь, чтобы тратить время на подобную чушь?

Автоматов в подвале было полно, они громоздились под стенами, некоторые лежали на боку, у других были распотрошены внутренности. Из открытых дверец, будто из вспоротых брюх, вывалились внутренности проводов.

Но не только игровые автоматы заполняли подвал. Сквозь дыры в потолке свешивались корни. Толстые, тонкие, похожие на перекормленных питонов и на маленьких змей. Они не шевелились, конечно, но легче от этого не становилось: на корнях были наросты, смахивающие на кожистые раздутые мешки, и в наростах этих, которые почему-то называли «ульями», находился газ. Ядовитый, тяжелый, к тому же взрывоопасный, он мог просачиваться наружу, и если концентрация его превышала определенный предел, то малейшая искра приводила к взрыву. Все вместе это называлось аномалией «газовая камера».

В подвале корней было очень много, а вот запах газа не ощущался. Наверное, потому что в этом месте давно никто не бывал, не только люди, но и мутанты, зверье всякое и даже птицы сюда не забредали и не залетали, никто не цеплял ульи и не повреждал их. Хотя из перезревшего улья, когда давление становилось слишком сильным, газ мог и сам по себе рвануть, но тут этого пока что не произошло. И все же подвал опасен... а они вздумали посреди него меня допрашивать!

Отряд майора Шульгина состоял из двенадцати бойцов, не считая командира с сестрой. Десять оставались наверху, кто-то дежурил снаружи, кто-то отдыхал, а двое – Шутер и парень с выеденным оспой лицом – стояли у лестницы, ведущей из подвала. Майор широкими шагами прохаживался перед стулом, где я сидел.

– Про тебя, охотник, мне кое-что известно, – говорил Шульгин. – Вот он рассказал, да и Аля...

– А Шутер, выходит, на самом деле был твоим шпионом в банде Метиса? – уточнил я.

– Не был! – возмущенно вскинулся маленький боец. – Не бухти, о чем не знаешь, Стас!

Я не стал уточнять, каким тогда образом бывший бандит оказался в отряде ренегатов. Продолжая ходить туда-сюда, Шульгин спросил:

– Теперь отвечай: что там было, на той базе? К которой Метис со своими так стремился?

– А вы разве туда не дошли? – я незаметно вращал запястьями, чтобы ослабить веревки, стягивающие руки позади спинки.

– Сейчас у нас так распределены роли, охотник: я спрашиваю, ты отвечаешь. Не наоборот, усек? Отвечай.

– Да ты и сам все знаешь. Шутер наверняка все давно рассказал.

Майор повернулся ко мне, наклонившись, уставился в лицо. Глаза у него были светло-голубые и властные. И не очень-то дружелюбные. Он пялился на меня сверху вниз, будто хотел взглядом просверлить дыру в голове. Я некоторое время сидел неподвижно, потом видеть вблизи его рожу мне надоело, и я сказал:

– Ну, и что это значит? Такая картина: «Майор Шульгин смотрит на тебя, как на мутанта»? Отвали, я к мужикам равнодушен.

Он распрямился, скривив рот, отчего сразу потерял половину своей лихой казачьей красоты, и сказал:

– Ты побывал в центре базы, в шахте. Метис, прежде чем отправиться к базе, приходил ко мне. Предлагал союз. Я кое-что знаю от него, кое-что от других... а теперь от тебя узнаю остальное.

Ни черта ты не знаешь, майор, подумал я. Только то, что Метис тебе соизволил поведать, когда зазывал работать вместе, а Метис был себе на уме и много не разболтал. Про тоник ты точно ни сном ни духом, как и про дневник Травника, а то бы уже задал мне прямой вопрос насчет них. Ты только чуешь своим казачьим носом, что тут что-то серьезное, вот и все.

Майор снова зашагал туда-сюда, о чем-то напряженно размышляя. Ну и я размышлял. Он мало что знает, а вот что знаю я? Известно, что Шульгин свалил из Армии Возрождения. Причем вряд ли только с этим десятком бойцов. Их он взял в погоню за мной, но где-то у него наверняка есть лагерь покрупнее, там людей больше. Иначе ему просто нет смысла все это затевать: уходить из АВ, навсегда сделавшись их врагом, создавать свою группировку... Даже с пятьюдесятью, даже с сотней верных людей это не так уж легко. Ведь есть Черный Рынок, хозяин которого, Хан, не заинтересован в появлении новой действующей силы на наших просторах. Потому что на самом деле – не такие уж они и просторные, эти просторы. Так себе мирок, с пятачок, со всех сторон окруженный стеной враждебного Леса. И хотя у нас постоянно вспыхивают большие и малые потасовки, дележ территории между бандами, столкновения за боеприпасы, женщин, топливо, жратву, но серьезных потрясений нет, все давно устаканилось, основные действующие силы поделили зоны влияния и к переделу не стремятся. Пока что, во всяком случае. Появление новой группировки, состоящей из обученных солдат под командованием умелого вояки, может стать камешком, который столкнет с вершины камень побольше – и покатится через Мир Выживших кровавая лавина. Поэтому, узнав про ренегатов, тот же Хан попытается со своими боевыми байкерами их вынести подчистую. Вот майор и шустрит, и допытывается у меня, что там спрятано в центре базы: почуял возможность усилиться, стать крутым. Закрепиться в качестве независимой силы при помощи того, что, по его мнению, я нашел в шахте. Непонятно только, почему он тогда не принял предложения Метиса, но тут уж я могу только гадать. Были на то у Шульгина какие-то причины, может, просто не доверял он серолицему бандюку с мертвенным взглядом.

– Ничего ты от меня не узнаешь, – сказал я, когда Шульгин в очередной раз проходил мимо. – Потому что я сам ничего не знаю. Я охотник, понял? Даже не следопыт, не сталкер – простой охотник. Мутанта бью, трофеем торгую.

– Это ты кабанам в лесу рассказывай, какой ты простой охотник, – отрезал он. – А мне давно ясно, что с тобой дело нечисто.

– Да что там тебе ясно! – проворчал я. – И вообще, чего тебя мотает как маятник? Нервничаешь? Это мне надо нервничать, я ж у тебя в плену, а не ты у меня. Успокойся уже, казак драный, в глазах мельтешит.

Он с разворота врезал мне кулаком по лицу. Меня отбросило на громко скрипнувшую спинку, чуть стул не перевернул. Веревка впиалась в запястья. Я лизнул потекшую по губам

кровь, скосил глаза – она капала с подбородка, пятнала камуфляж штанов, добавляя на них стильные темные пятна. Исподлобья я поглядел на Шульгина и ухмыльнулся ему окровавленным ртом. Несдержанный, значит, ты у нас мужик, а? Не любишь, когда тебе перечат, не терпишь неповиновения. Атаман голубоглазый, задница мутантская... ну, посмотрим, кто кому врежет последним.

Вдруг Шульгин тоже усмехнулся, отступив, сложил руки на груди и окинул меня взглядом с ног до головы, будто впервые увидел. Два бойца по-прежнему стояли у него за спиной, наблюдая за происходящим. Я посмотрел на Шутера, и тот отвел взгляд.

– Алина и вот он, – майор махнул на Шутера рукой, – про тебя всякое порассказали. Я расспрашивал, хотел прояснить, что за личность такая вмешалась в дело. Не люблю темных лошадок. И как ты в банду Метиса попал, рассказали, и как потом Алине помог, когда у болот она спряталась на дереве от двух бродяг. Так что я понимаю, охотник: это у тебя манера такая. Хамить, грубить – выводить людей из себя. И смотреть, как они реагируют, как злятся, на что способны, на что не способны. Ты так врагов просчитываешь, да? Только меня не просчитываешь, не надейся.

Я плюнул кровью ему на ботинки и проворчал:

– Ты что, особенный? Думаешь, многогранный, как стакан? Да нет, ты простой, тривиальный. Я тебя уже просчитал.

– Тогда что я сейчас, по-твоему, сделаю?

– Будешь и дальше тупить, что ж еще.

– Ага... Ну, давай потупим вместе. Оспа, Шутер, тащите бадью со двора. Ту, железную. Воды из колодца в нее набрать – и сюда. Живо!

Оспа воспринял приказ с готовностью, а маленький дезертир удивленно посмотрел на командира, но второй боец дернул его за плечо, и они стали подниматься по бетонной лестнице, ведущей к люку в потолке.

– Искупаться хочешь? – спросил я. – Не стесняйся, я отвернусь.

– Нет, тебе голову помыть, – осклабился майор. – Слушай сюда, охотник: или ты прямо сейчас все рассказываешь, или будет тебе плохо. Под «все» я подразумеваю: что видел в центре базы, что там спрятано? Почему Метис туда так рвался? Что с Метисом стало, где он сейчас? Мой совет: говори. Болтай, пока язык не отпадет. Себе же поможешь.

– Про Метиса могу сказать, а чего ж. Я его завалил. Там, в центре, старая ракетная шахта. Он в нее зачем-то хотел спуститься. Но я ему не дал – убил и его, и Фару. Пристрелил, вот и все.

– А Фару-то за что?

– За то, что иначе он бы меня пристрелил.

– Ну-ну... А Метиса?

– Да мы с ним характерами не сошлись. Эгоист он. Я и сам эгоист, не люблю конкурентов.

– Ладно, а в шахте что оказалось?

– Так а сам ты почему не выяснил, майор? Вы что, до базы не дошли?

– Дошли. Но там как раз кто-то устроил взрыв. Кто – не понять, сбежал. Завалило шахту, да и весь центр базы разворотило... Ну, что в шахте было спрятано?

– Я откуда знаю? Ты че, думаешь, я туда полез? В старую ракетную шахту на какой-то заброшенной базе, где вообще какая угодно дрянь может обитать? Да ты тупой, что ли, казак?

Глаза его сверкнули – ну, не любит мужик, когда ему статус понижают даже словесно, амбициозный тип! – но на этот раз майор сдержался. Тряхнул свешивающимся на лоб чубом и сказал:

– Опять ты меня провоцируешь. А не боишься, что я тебя просто в этом подвале на хрен прибью?

– Я, казак, уже давно ничего не боюсь, – честно сказал я. – Отболялся, еще подростком. Так что гуляй Лесом.

– Сейчас забоишься, – почти ласково улыбнулся он и кинул взгляд через плечо, когда сверху донесся шум.

На ступеньки сначала упали тени, затем показались трое, волочащие корыто с водой, – Шутер, Оспа и широкоплечий парень с русыми усами и густыми черными вихрами, на которых каким-то чудом удерживалась фуражка с большой кокардой. Он напоминал немного уменьшенную копию майора, тоже весь из себя донской казак, только вертлявее. Этого парня я видел не так давно, палящего с двух рук по стаду горбунов, как же его тогда Аля назвала... ах да: Химка Прокопов. Помощник Шульгина – молодой, а уже сержант.

Следом по лестнице стала спускаться Аля, но майор велел:

– Алина, назад.

– Гриша, что ты собираешься делать? – спросила она.

– Выйди.

– Григорий! Ты мне обещал...

– Выйди! – гаркнул он. – Химка, выведи ее и люк закрой!

Сержант, поставив вместе с другими бадью на пол, повернулся, расставил руки, будто ловил бегущего по двору непослушного ребенка, и потопал назад по лестнице.

– А ну-ка, Алинка, вали отсюда! – снисходительно заорал он. – Не место тут бабам, иди борщ варить из мутантины!

Алина сверху презрительно посмотрела на него, потом кинула тревожный взгляд на меня и вышла. Химка закрыл люк и сдвинул засов, в это время майор поднял с пола газовый светильник. Разжег. Искося наблюдая за ним, я прикидывал, за сколько секунд разделался бы с майором. В перчатках – за три, без них – за пять. На «четыре-пять», как я обычно в таких случаях говорю. Носком по коленной чашечке, сразу локтем сбоку в шею, кулак другой руки вгоняю в солнечное сплетение, при этом иду на сближение и финиширую ударом лба в переносицу. И все, и валится бравый казак навзничь, взбрыкнув ногами. Такая вот короткая ката. А с Химкой еще проще будет – на «раз-два» мелкого засранца опрокину, хоть в перчатках, хоть без. Только со связанными за спиной руками все это никак не получится, досада...

Шульгин поставил светильник на ближайший игровой автомат, едва не задев обвивший его корень с толстым наростом, откуда нас всех могло, вообще-то, обдать потоком газа, который вызывает обильное слезотечение и рвоту, а если сильно надышаться, можно и дуба врезать. Я аж зажмурился, затаил дыхание, чтоб сразу не вдохнуть. Улей все же не прорвался, газ не пошел, но когда я открыл глаза, что-то вокруг изменилось. Что-то тонкое, неуловимое... Или не вокруг – изменилось в моей голове? В сознании.

Мерцание.

Святые мутанты! У меня начинается приступ!

Я заворочался на стуле, скосил глаза к переносице, мучительно напрягся, пытаюсь подавить набирающие силу видения, которые уже клубились в голове... Без толку – сейчас накроет.

Пока я ерзал, в подвале все шло своим чередом: по приказу майора Оспа с растерянным Шутером подступили ко мне с двух сторон, взяли за плечи, но тут маленький боец сказал:

– Погодите... вы что, собираетесь его туда башкой макать? Пытать?

– А ты что думал, прическу ему помоем? – хохотнул Химка Прокопов, подкручивая русский ус. – С шампунем из крапивы? А после расчешем еще, красоту наведем! Не-е, рядовой, мы из него собираемся всю правду вытрясти, и поэтому...

– Ладно, заткнись, Химка, – перебил Шульгин. – Охотник, ну что ты все молчишь? Макайте его, хлопцы.

Я действительно молчал – потому что уже просто не мог говорить, я почти не видел происходящего вокруг, перед глазами изгибалось, шло волнами и разбегалось кругами темное пространство, в котором мерцали расплывчатые пятна. Как сквозь туман, издалека доносился голос Шутера: «Я на такое не подписывался. Этот мужик меня не завалил, хотя мог и право

имел – мы ему тогда засаду устроили. Но он меня не стал валить...» – «Выполнять приказ!» – это, кажется, был голос сержанта, хотя мог говорить и Шульга, я мало что понимал. «Не буду. Это ж зверство натуральное». – «Своевольничаешь? Мы тебя в отряд взяли, приютили, а ты гуманизм тут разводишь? А ну, сюда иди!»

Я еще разглядел, как Шутер отступает от меня, и его место слева занимает Химка, в то время как Оспа стоит справа; услышал звук удара и вскрик, а после ощутил, как меня хватают за плечи, как приподнимают, сдернув связанные руки со спинки стула, и наклоняют вперед... Потом вокруг меня была вода, в ушах хлюпало, а грудь жгло, будто туда залили раскаленный свинец – потому что даже в этом состоянии я понимал, что не должен дышать, – но ни настоящей боли, ни паники не было. Я с отстраненным удивлением наблюдал, как во тьме мерцающие пятна сходятся вместе, и вот они уже слиплись в длинный кривой овал, в нем маячат два темных пятна и горизонтальная щель под ними...

ЛИЦО.

Огромное, до оторопи странное, нечеловеческое лицо глядело из клубящейся тьмы Леса. Темные ямы глаз медленно перемещались по нему, зрачков не было, но я понимал, что оно смотрит на меня, каким-то чудом видит в этом подвале из той невероятной дали, в котором находилось. Рот кривился, изгибался... А потом эхо, отзвук голоса долетел до меня сквозь глухой шум, шепот, шелест деревьев, сквозь бормотание неведомых существ, населяющих Лес:

Прими тоники... Потом иди ко мне. Найди меня. Все не так, как кажется. Я расскажу... Ты должен узнать все... Иди... Сын.

Раздался громкий плеск. Звук удара о пол. Всхлип. Судорожный вздох.

Я мотнул головой, разбрызгивая капли, закашлялся. И понял, что плеснулась вода в корыте, из которой вытащили мою голову, что звук удара – от того, что меня швырнули на пол, а всхлип издал я сам, когда втянул воздух в переполненные углекислотой легкие.

Я лежал на боку, кашлял и дергался. И дышал. Дышал! Химка, майор и Оспа стояли надо мной, а Шутер маячил у лестницы, и даже отсюда было видно, что на скуле его багровеет кровоподтек, а левый глаз заплыл.

Мерцающее лицо исчезло, голос в моей голове смолк. Приступ прошел. Я снова был в подвале на краю заброшенного города, в плену у ренегатов майора Шульгина...

Все было так – но теперь все стало по-другому. Ведь отныне я смотрел на происходящее другими глазами. Майор не убьет меня, пока не получит сведения. А я не дам их ему. Что бы он ни делал. Потому что все происходящее, наши разборки, войны группировок, грызня банд, борьба за власть и прочее – все это лишь детские игры, и они не важны для меня. Только Лицо в клубящейся тьме, зов, те слова, что я услышал, – только это по-настоящему важно. Я и раньше знал, что делаю: мне надо дойти до Края, узнать все про Травника или найти его самого, отыскать три тоника... А сейчас цель сложилась окончательно, стала четкой и ясной: найти отца и раскрыть тайну Леса. Вот что главное, остальное – лишь препятствия на пути, которые надо преодолевать.

Шульгин присел на корточки, схватив меня за волосы, приподнял голову и сказал:

– Говори! Что искал Метис на базе? Говори, что знаешь, леший!

Я рассмеялся ему в лицо, закашлялся и прохрипел, скалясь:

– Отвали, казак! Ты не понимаешь... Думаешь, испугаюсь? Пыток твоих? Да иди ты на хрен! Можешь делать что хочешь – я тебе ничего не скажу.

Несколько секунд он вглядывался в меня, а потом со злостью впечатал мою голову в пол. Распрямился и рывкнул – яростно, но с нотками растерянности:

– Чертов мутант... Химка! Ноги ему связать! И бросить там в углу, за корнями!

– Но как же? – удивился сержант. – А это... а еще пытать, товарищ командир? Мы ж только начали, еще пару раз макнуть...

– Да ты на рожу его погляди! – перебил майор. – Он ни черта не скажет, понимаешь ты?

– Не понимаю! – Химка мотнул своими вихрами так, что фуражка едва не слетела с головы. – Как не скажет? Любой скажет, если попытаться с толком!

– Химка, слышь, – позвал я. – Почему у тебя волосы черные, а усы светлые? Ты волосы красишь? На Черном Рынке, на окраине, есть бар «Голубой байк». Там крутятся симпатичные пареньки, я сам не видел, мне говорили, так ты загляни, детка, будешь иметь успех...

Он рванулся ко мне, занеся кулак, но майор оттолкнул его и повторил уже спокойнее:

– Связать, бросить в углу. Скоро ночь, нам завтра с утра в поход.

– Ну, не пойму я, командир! Объясни! – взмолился Химка. – Если он вправду, как ты говоришь, ничего не скажет, так на кой он нам вообще сдался? Вальнуть гада прямо здесь, пусть лежит.

– Валивать нельзя. Кроме пыток есть и другие способы дознания.

– Какие?

– Про вещества разные слышал? Которые умельцы делают из всяких трав, корней, ягод с края Леса. Тех, что от него аномальности набрались.

– Что за вещества?

– Разные. Одно, допустим, девке в вино подольешь – и она тебе на шею повесится, всю ночь потом с тебя не слезет, как дикая лошадь будет. А другое заставляет говорить правду. Дашь кому-то выпить, и он потом не может брехать.

– Да разве ж такое бывает? – не поверил сержант.

– Вроде на Черном Рынке кто-то умеет такое зелье варить, – вставил Оспа, стягивая мои ноги веревкой. – Правда, оно опасное, можно и помереть.

– Можно, – кивнул майор. – А нам-то что?

– Так мы что, завтра на Черный Рынок идем? – уточнил Химка, помогая Оспе вязать меня.

– Разберемся, – отрезал Шульгин. – Но из этого охотника я правду выгашу. В бараний рог его скручу, сгною совсем, но получу. Связали? Теперь несите в угол, вон, где узко... Так, кидайте. Все, спать. Завтра нас ждут важные дела.

Глава 3

Биологическое оружие ближнего боя

Ноги мне примотали к рукам так, что пришлось лежать на боку, выгнувшись назад и согнув колени. Пятки почти упирались в ягодицы – ничего хорошего, потому что ноги сначала сильно ныли, а потом онемели. К этому времени наверху все стихло. Сколько сейчас времени, я не знал, но ясно было, что уже глухая ночь. Уходя, люди майора Шульгина забрали светильник, но темнота в подвале была не полной: часть кожистых мешков на корнях источала зеленоватый свет. Мутный такой, неприятный – будто грязный. «Газовые камеры» должны светиться синеватым светом, а тут почему-то зеленый. Может, там внутри какой-то не такой газ, необычный? Новая разновидность аномалии? Свет казался... стухшим, что ли.

Он был совсем слабый, но все же я различал громоздящиеся вокруг игральные автоматы и обвившие их корни. Будто лианы, целый лес лиан, свешивающихся из дыр в потолке. Не все «ульки» светились, большинство как раз нет. Что это значит? Может, мерцают перезрелые, в которых газ уже под таким давлением, что готов вырваться наружу? Или наоборот... Мутант его знает, не разберешь. Ясно только, что майор Шульгин плохо сечет в аномалиях, и в отряде его нет толкового следопыта, раз они встали лагерем прямо над подвалом с «газовой камерой». Я бы в жизни тут не остановился.

Ага, только в результате лежу в углу этого подвала, еще и связанный.

Я пошевелился, пытаюсь размять руки, потом выгнулся сильнее и с трудом перевернулся на спину. Каблуки вдавились в задницу, в коленях скрипнуло. Попытался сесть, закричал, сжал зубы... раз! – и я сижу, расправив плечи, с поджатыми ногами и вывернутыми за спину руками. Так, уже лучше.

Хотя толку, если разобраться, никакого. Не положили бы меня тут, если б отсюда было легко свалить. Другого выхода, кроме лестницы и люка в потолке, из подвала нет. А наверху – стоянка ренегатов. То есть там с десятков бойцов, причем не все они спят, Химка наверняка расставил часовых. Но дело даже не в них, главное препятствие: проем в потолке, куда ведет лестница, закрыт люком. Наверняка запертым снаружи. Снизу мне его не открыть, да я и не доберусь до люка.

Или доберусь?

Давай-ка подумаем, охотник, что мы в этой ситуации можем сделать? Ну, вообще-то почти ничего... Но можно, по крайней мере, выбраться из этого закутка в углу. Только выбираться надо очень осторожно, корни же кругом, да еще и «ульки». Знал Шульгин, где меня оставить. Какой-то другой, нормальный человек ни за что не рискнул бы тут ползать, слишком уж неприятные последствия бывают от газа. Но я, конечно, не совсем нормальный, это уже давно ясно.

Вот и пополз.

Чтобы выбраться из угла, нужно было протиснуться в просвет между двумя аппаратами и, самое трудное, переползти через третий, лежащий на боку. Он преграждал путь к пустой площадке в центре подвала, где стоял стул...

То есть где он до сих пор стоял! Эти умники его оттуда не убрали, и главное, перед ним стояло железное корыто с водой.

Не так уж ты разумен, лихой казак майор Шульгин. И сержант твой Химка – так и вообще глупый малый, по усам видно. Я подобрался вплотную к провисшему между игровыми автоматами корню. На нем мерцал гнило-зеленым светом «улей» размером с голову. Вблизи хорошо видно, как туго натянулась кожистая поверхность – будто раздутый, готовый лопнуть волдырь. Стало ясно, что светятся именно перезревшие «ульки», готовые выпустить газ. Как бы мне эту штуку не задеть...

После корня я оказался перед новым препятствием – лежащим на боку автоматом. Он был выпотрошен, из дыры в боку вывалились жгуты проводов, поблескивали микросхемы, экран разбит. Плевое препятствие для человека в обычном состоянии – перешагнул и забыл, но для меня сейчас это было как толстая ветка для червяка. То есть преодолимо, но надо потрудиться. Я лег на живот. Извиваясь, дергая ногами и тихо ругаясь, перевалился через аппарат и оказался на краю свободного пространства в центре подвала. С другой его стороны начиналась лестница. Я обполз стул, к этому времени ноги-руки уже ломило и саднило во всех местах сразу. И спина ныла. Но зато онемение прошло, вот радость.

Обогнув стул, я повернулся спиной к корыту и опрокинулся назад. Страшновато было, все казалось, что сломаю спину о железный край, хотя для этого нужно очень уж постараться. Выгнулся дугой, головой уперся в дно. Хорошо, что воды там оставалось не так много, все-таки я сильно дергался в руках Оспы с Химкой, лягался... наверное. Сам-то я этого не помнил.

Поелозив еще немного и сдвинувшись дальше, я добился того, что стянутые запястья и ступни оказались в воде. И надолго замер, отдыхая, глядя в темный потолок с дырками, сквозь которые свешивались корни. Давай, веревочка, мокни, раскисай... Пролежал так минут, наверное, тридцать, и за все это время не услышал ни звука. То один, то другой мешок угасал или разгорался ярче, свет в подвале иногда немного менялся, но вот звуков не было никаких, и в ушах, если долго не шевелиться, начинался такой неприятный вибрирующий звон.

Наконец, решив, что хватит, я кое-как выбрался из корыта, убедился, что металлические края его загнуты и о них перепилить веревку не получится, – и отправился в обратную дорогу. Возле перевернутого автомата снова пришлось повозиться, но, в конце концов, я сумел вооружиться куском стекла из разбитого экрана. Плохое стекло – в смысле, для моих целей не очень подходящее, края толстые и как бы сглаженные, почти без острых граней. И все же влажную веревку оно с грехом пополам перепило, раскромсало в волокнистую тряпочку, которую я несколькими сильными рывками смог порвать.

Вот так! Удача любит смелых, сильных и упертых как бараны. Я встал. Пошатываясь, на негнущихся ногах прошел к стулу, сел и потом долго массировал колени, лодыжки, икры, стопы. Разминал кисти, плечи, качал из стороны в сторону головой, хрустя шейными позвонками. Несколько раз вставал, приседал, даже тихо попрыгал. Размявшись и попив воды из корыта, стянул с себя остатки веревок, поднялся по лестнице и припал ухом к люку. Тишина – вообще ничего не слышно. Я осторожно потрогал люк, попытался приподнять крышку. Заперт, что и требовалось доказать. Ну, ладно, что дальше делаем?

Спустился обратно, перевернул на бок стул и тихо отломал ножку. Из толстого конца торчал загнутый гвоздь – таким если как следует засандалить по голове, то и череп пробьешь. Это, конечно, хорошо, только проблемы не решает: как отсюда выбраться? До рассвета несколько часов, утром сюда придут вооруженные бойцы, выспавшиеся, полные сил – мне с ними не сладить. Прорываться надо сейчас, пока ночь и большая часть отряда спит, причем сделать это можно единственным способом: заставить их сверху открыть люк. Получается, мне в него стучать, что ли? Тогда они просто сразу поймут, что пленник сумел избавиться от веревок. А если поскрестись как-нибудь так назойливо, подольше, достать часового, который наверняка дежурит у люка? Чтоб он решил: по лестнице забралась крыса, и открыл бы люк, чтоб шугануть тварь. Тухлая, конечно, идея, и совсем не факт, что часовой не подымет сразу тревогу, как минимум не разбудит начальство. Однако другие варианты у меня отсутствуют – люк изнутри не открыть, больше ходов из подвала нет, значит, нужно добиться, чтобы люк открыли снаружи.

Я осмотрел, насколько мог сделать это с пола, дыры в потолке. Они были не слишком большие и, если задуматься, вызывали всякие вопросы. Ведь потолок этот – бетонная плита. То есть корни пробили в ней ходы? Что ж там за растение такое, которое сумело запустить в подвал свои древесные щупальца?

В общем, через дыры не выбраться, и единственное, что я еще могу, – это вооружиться, чтобы увереннее себя чувствовать против того, кто откроет люк. Или против тех. Если его вообще откроют. На моей стороне будет только скорость: вмазать по голове, выскочить, убежать... Скорость и еще темнота. Ножка стула с торчащим гвоздем – слабое оружие. Нужно что-то более убедительное, но взять его негде.

И тут меня осенило. Как это негде? Есть где! Куча биологического оружия в моем распоряжении! Я вернулся к перевернутому аппарату, сел на него, нашел осколок, которым пилил веревки, и взялся за свисающий дугой корень. Тот самый, на котором болтался светящийся мешок размером с голову. Корень начал раскачиваться, пришлось работать осторожно. Жесткие волокна пилились плохо, но минут за десять я справился, и в моих руках оказался кусок длиной в полметра, на середине которого было округлое раздутие, мерцающее зеленым. Очень осторожно я потрогал его – стенки туго натянуты и кажутся совсем тонкими. Так этот пузырь расперло, что если ткнуть стеклом, сразу прорвется.

Газ в мешках ядовитый, но не очень. То есть не мгновенно-смертельно-ядовитый. А еще важно, что он густой и тяжелый. Не расходится по воздуху мгновенно, не травит все вокруг, действие его скорее как у струи, бьющей из газового баллончика.

Я наматал концы корня на запястье так, что мешок пришелся на тыльную сторону ладони. Согнул кисть, выставив руку перед собой. В другую взял осколок. Нормально, пыхнуть кому в рожу – самое то. Ножку от стула сунул за пояс штанов, ремень-то у меня отобрали вместе с перчатками.

Поднялся по лестнице, встал на одно колено на верхней ступеньке и принялся скрести стеклом по крышке люка. Она была железной, звук получился тот еще. Посерьезней пытка, чем макание головой в воду, аж челюсти сводит от этого скрежета. Я поскреб немного, подождал, потом слегка постучал по крышке. Снова поскреб, чувствуя себя при этом немного по-дурацки. Но ведь нет другого способа, нет. Поскреб еще. Услышал шум с другой стороны люка – совсем слабый, но явственный. Потом лязг, это засов сдвинули. И голос, тоже очень тихий. Шепот...

Крышка распахнулась, и я увидел двоих, стоящих по ту сторону проема.

Шутер пригнулся с «калашом» в руках, причем он держал оружие прикладом вперед, и у ног его лежал Оспа, получивший, как я понял, только что прикладом по лбу. Рядом с Шутером застыла Алина. На плече сумка из черной кожи, в руке пистолет «СПС». Относительно легкий, но вполне мощный, пуля из такого прошибает четырехмиллиметровую сталь. Хорошо, что красotka с перепугу не саданула в меня, когда распахнулась крышка люка.

Тот находился посреди большого темного зала с высокими окнами, закрытыми брезентом. Вокруг спали, завернувшись в одеяла и плащи, бойцы из отряда майора Шульгина. Его самого я не увидел, а вот Химку разглядел, он лежал возле кострища, в котором догорали угли. По всему залу из дыр в потолке свешивались корни – те самые, концы которых оплели подвал. Получается, растения, которые эти корни сюда запустили, растут еще выше – на втором этаже или даже на разрушенном третьем, и корневая система их проникла сквозь несколько перекрытий. Или это не корни? Они ведь нужны дереву для питания, но эти просто висят в воздухе, так зачем они? Может, их правильнее называть ветвями или лианами...

Я успел сдержать движение, не пробил «улей» стеклом. Отвел в сторону руку, глядя на тех, кто, судя по всему, собирался меня спасти. Пару секунд мы являли собой немую картину в стиле «И тут я офигеть как удивился», а потом я приложил палец к губам, покосился на неподвижного Оспу, кивнул Шутеру, за плечо притянул к себе Алю и прошептал:

- Сколько бойцов в отряде?
- Пятнадцать, – шепнула она, справившись с удивлением.
- Все здесь?
- Кроме часовых.
- Сколько часовых?

– Возле люка – один, Оспа. И еще четверо: двое на крыше, двое снаружи...

– В какой стороне они стоят, знаешь?

Она огляделась, показала:

– Там и там.

Я кивнул Шутеру, он тоже приблизился, мы сдвинули головы.

– Выбираемся через то окно, – я показал в сторону одного проема. Брезентовая штора в его нижней части была свернута и подвязана веревкой. – Или вы его и подготовили для отступления?

– Подготовили, – подтвердила Аля. – За ним улица, идет прямо от здания. По ней побегим.

– Охотник, а что это у тебя на руке... – начал Шутер, но тут один из спящих неподалеку бойцов всхрипнул, заперхал во сне, заворочался. Моя рука с «ульем» и два ствола, «калаша» и «СПС», обратились в ту сторону. Боец, перевернувшись со спины на бок, затих.

– Идем, – шепнул я. – Пока Оспа не очухался.

Пробираться между спящими людьми по темному залу, озаренному лишь светом углей в кострище, – занятие нервное. Постоянно чудится, что сейчас наступишь кому-нибудь на ухо или зацепишься за чью-то ногу. Мы шли совсем медленно, рискуя, что Оспа придет в себя и поднимет шум. Да еще и корни... они висели со всех сторон, не то чтобы очень густо, но во множестве. Колыхались, когда мы их задевали, шуршали, правда, совсем тихо. Хорошо, что здесь на них не было кожистых мешков – «ульи» росли только в нижней части, под полом.

Больше мы не обменялись ни словом. Обошли Химку, который во сне посапывал и шевелил усами. Путь к окну лежал мимо кострища, где горела алым гора углей. Возле него спал сам майор Шульга. Под головой его был рюкзак, под рукой лежал «АК», а рядом... мой «Карбайн»! Этого я просто так оставить не мог. Что хотите делайте, а ствол не брошу. Не из каких-то сентиментальных чувств, просто у меня же нет огнестрела – куда это годится? Алина ушла немного вперед, а я приостановился, нагнулся, увидел, как Шутер сделал огромные глаза и замотал головой, сделал жест, чтобы он не психовал, и потянул автомат за ремень. Осторожно, ласково так, как поясок на платье любимой женщины. Вскоре винтовка оказалась у меня в руке. Действовать, когда на запястье намотан корень с раздутым кожистым мешком, было неудобно, но я ухитрился повесить винтовку на плечо. Выпрямился – и увидел торчащие из-под клапана на рюкзаке майора перчатки. Мои перчатки. Вот к ним-то я как раз испытывал сентиментальные чувства! Они мне были как две сестрички. Перчатки и спрятанный в одной ножик не раз спасали мне жизнь.

Я присел на корточки. Отведя далеко в сторону руку с пузырем, взялся за перчатки и медленно-медленно потащил их из-под клапана. Аля уже добралась до окна, остановилась перед ним, оглянулась. Недоумевает, наверное, что это я делаю – в полутьме ей оттуда подробности не видны. Шутер, махнув на меня рукой, решил, что риск – дело благородное, но только когда рискует кто-то другой, и пошел дальше к окну.

Перчатки зацепились за что-то в кармане, я потянул сильнее. Они не поддавались. Дернул слегка. Есть! Тихо-тихо вытащил их из рюкзака целиком, сунул в карман. Начал привставать.

Майор Шульгин раскрыл глаза и сел.

По-моему, он еще не проснулся, когда сделал это. Просто сознание во сне поняло, что совсем рядом нечто происходит, и подало сигнал телу. Майор бессмысленно вытаращился в темноту. И прежде чем он что-то сообразил, я врезал ему кулаком по голове.

То есть не кулаком – на руке ведь был намотан корень с «ульем», вот им-то я и ударил.

Раздался громкий хлопок, и струя газа вырвалась наружу, прямо в лицо майора.

Я вскочил. Ну и напор! Руку рвануло вбок, корень впился в запястье, я разжал пальцы, и мешок сорвало с кисти. Шипя, он рванул прочь, будто раздутая уродливая ракета.

Теперь окончательно стало ясно: мутно-зеленый свет и впрямь означает, что аномалия в подвале – не обычная «газовая камера». Может, даже газ в «ульях» не очень-то и ядовит. По крайней мере, не смертелен. Но зато у него есть другое, хорошо ощутимое свойство – очень хорошо, просто отлично ощутимое!

В общем, мешок вырвался из моих рук и полетел.

И вот тут-то все и началось.

* * *

От пронзительного шипения проснулись все в зале. Хотя мало кто понял, что произошло. Думаю, даже никто не понял – слишком необычной была ситуация. Кожистый мешок, странное порождение аномалии «газовая камера», заметался в темноте между свешивающимися с далекого потолка корнями, бешено вращаясь и оставляя за собой шлейф самого мерзкого запаха из всех, что мне доводилось нюхать в жизни. Так может пахнуть тонна разбитых тухлых яиц или переполненный до краев деревенский сортир, если в нем взорвать фугас.

– Стас! – долетело от окна сквозь шум и крики.

В воздухе повисла сероводородная дымка. Кашляя, как демон, я бросился к окну вслед за Шутером. На ходу натянул перчатки. Газовый мешок за спиной дикими зигзагами носился по залу, врезаясь в мечущихся людей, цепляя корни и постепенно поднимаясь все выше, наполняя помещение невыносимым рвотным духом.

Когда я был уже возле окна, раздался выстрел, и в проем, качнув ткань, вылетела пуля. Запрыгнув на подоконник, поглядел назад. Химка, зажав рот ладонью, брел следом за нами с винтовкой в руке. Я выстрелил по нему, и сержант упал, хотя не ясно было, по какой причине. Может, просто ноги заплелись, очень уж сильно воняло в зале.

В это время клокочущее шипение начало стихать, а снующий где-то под потолком в окружении качающихся корней мешок устремился к полу. Я спрыгнул с подоконника на землю, где уже стояли Алина с Шутером. Мы побежали. Было не очень темно – в небе мерцали звезды, мягко светил месяц. Сзади орали и матерились, а еще там кого-то очень бурно тошнило.

Когда между нами и зданием оказалось метров двести, Алина остановилась, тяжело дыша, и я тоже притормозил. Приотставший Шутер нагнал нас.

– Стас, что ты сделал? – спросила Аля, перекидывая через голову ремень сумки. – Что это было, твою мать?!

– Уже не важно, – ответил я, глядя в сторону магазина. – Главное, что оно сработало. В какой стороне двухэтажка, где меня схватили?

– Там, – Шутер махнул влево. – Слушай, охотник, ты, если что, звиняй. Я тебя сдавать этим солдафонам не хотел, я просто...

– Забудь, – перебил я. – Сейчас не до того. Вы двое решили мне помочь, я правильно понимаю?

– Правильно, – кивнула Алина. – Хотели вытащить тебя и сбежать вместе.

Я запрыгнул на покосившуюся лавку у забора, вытянул шею, глядя то на магазин, в окнах которого металась огни, то в сторону двухэтажки, откуда начались мои приключения в безымянном городе. Спросил:

– Значит, ты пошла против брата? Почему?

– Я поняла, что он на самом деле собой представляет. Только теперь поняла, после стольких лет. Сейчас не до того, потом расскажу.

– Потом так потом, – спрыгнув на землю, я проверил магазин «Карбайна», убедился, что он полон, и потер руки, радуясь вновь обретенным перчаткам. Заодно незаметно для Шутера с Алиной нащупал в потайном кармашке тычковый ножик. Отлично, майор его не нашел.

– Мне нужно назад в тот дом, – объявил я.

– Ты что? – удивилась Аля. – Нам надо бежать из города. Они нас уже ищут!

Со стороны магазина доносились голоса, крики Химки, громовой голос майора. Я возразил:

– В темноте быстро не найдут. Мне обязательно надо вернуться, ненадолго. Я там кое-что спрятал, очень важное, так что иду туда. А вы как хотите.

Последние слова произнес уже на ходу. Шутер, потом Алина заспешили следом. Она спросила:

– Стас, дальше ты куда собираешься? Ты ведь куда-то конкретно шел, мы это поняли еще два дня назад. Мы тихо шли за тобой, но Григорий побоялся, что потеряем, решил захватить. Так куда ты идешь?

– В Край, – ответил я. – Слышали о таком?

– Ясное дело, слышали, кто ж не слышал, – влез Шутер. – Зачем тебе туда, охотник?

– Надо значит, раз иду.

– Это связано с тем, что ты нашел в центре той базы? Может, ты эту вещь и спрятал в двухэтажке и за ней теперь возвращаешься?

– И да, и нет. Я не знаю, могу ли тебе доверять, Шутер. А раз не знаю – значит, пока не доверяю. Но то, что ты отказался меня пытаться и решил помочь, говорит в твою пользу, так что если хочешь – можем пока что идти вместе. Алина, тебя это тоже касается.

Они мне не ответили, и я больше ничего не сказал. Магазин уже исчез в темноте, зато впереди показалось знакомое двухэтажное здание.

Глава 4

Суэта вокруг тоника

– Замерьте, – прошептал я, заглядывая на темную лестницу. – Мне кажется, там кто-то есть. Слушайте.

На первом этаже было тихо, в «птеке» наверху вроде тоже... Хотя нет – оттуда донесся тихий треск.

– Как будто там что-то горит, – заметил Шутер, поднимая «калаш». – Только я гари не чую.

– Нет гари, – согласился я. – Или... Ладно, идите за мной и не шумите.

Я стал подниматься, Шутер с Алиной шли следом. На середине лестницы приостановился – точно, что-то там горит. Вот теперь и гарь ощущается, то есть не такая, как может быть от пожара, даже слабого, скорее напоминает запах костра. Маленького, чтобы снаружи не было видно. Оглянувшись на спутников – Аля развела руками. И правда, кто ж там может костер распалить? Бойцы Шульгина, всполошенные ночным происшествием, вонью и побегом пленника, добраться сюда раньше нас никак не могли. Да и не стали бы они разжигать огонь. Так кто же...

Шутер дернул автоматом, и я резко повернул голову, переведя взгляд обратно на проем. В нем что-то мелькнуло – будто человек отпрянул. Донеслись тихие шаги, и я рванул по ступеням.

– Там выглянул кто-то! – крикнул Шутер.

Перед проемом, не сбавляя ход, я пригнулся, нырнул вперед и вкатился в зал. Спасибо Мише, покойному напарнику, научил, как правильно перемещаться – и бегом, и вприсядку, и ползком, и вот так кувыряться, катиться... это только на словах легко, а на самом деле целая наука.

Возле двери подсобки горел костерок, а в зале «птеки» никого не было. Может, в подсобке?... Вдоль стены я подбежал к ней, пока Аля с Шутером входили в зал и осматривались, заглянул – тоже никого. Значит, человек выпрыгнул в пролом, оставленный гранатометным выстрелом. Шутер уже стоял возле дыры, и когда я подошел, ткнул пальцем:

– Вон, вдоль домов бежит, видишь?

Я думал, что мы спугнули вернувшуюся сюда слепую девочку или, может, рыжего бородача, хотя последний, судя по его поведению во время нашей встречи, вряд ли так бы уж легко «спугнулся»... Но нет, там ковылял какой-то старикан. Просто хромой бомж, забравшийся в дом на ночлег и разжегший костерок для согрева трухлявых костей. Разжегший?... Стоп, а, собственно, из чего разжегший? Что он использовал для растопки, а?

Выругавшись сквозь зубы, я оттолкнул подошедшую сзади Алю и бросился обратно к подсобке. Твою налево, твою направо, твою-твою-твою!!! Бродяг по миру ходит целая толпа, многие имеют привычку устраивать тайники, схроны, схрончики... А другие имеют привычку, попав в новое здание, обыскивать в нем все закутки и закоулки в поисках чужих тайников. И если этот старик... Если этот бомж... Если этот чертов бомжара!..

Так и есть! Выругавшись уже в голос, я поглубже запустил пальцы в дыру, где спрятал дневник – его там не было. Не было! А возле костра обнаружилась скрученная трубочкой почерневшая страница... и рядом пепельные лепестки – не от дерева, такие остаются от бумаги... а вон – почти прогоревшая обложка... Этот гад ползучий спалил дневник Травника! Растопил им костер! Оставалась слабая надежда найти тоник на своем месте, но я тут же распрощался с ней, разглядев в свете огня, что дыра в углу больше не прикрыта паутиной. Сунув туда руку чуть не по локоть, так и не нащупал бутылочку с тоником. Когда повернулся, в дверях стояли Шутер с Алей и удивленно смотрели на меня. Отблески костра гуляли по их лицам.

– В сторону! – выскочив наружу, я подбежал к пролому, чтобы удостовериться, что старый бродяга топает в ту же сторону, что и раньше. Надо его догнать!

Увидев снаружи огни фонариков, резко присел на краю пролома. Несколько силуэтов приближалось к зданию, а хромой старик куда-то подевался. Хотя вон, за забором, вдоль которого идут бойцы Шульгина, мелькает тень... Раз – и пропала. И все, и больше не видно!

– Это люди Григория, – произнесла Аля над ухом. – Стас, надо отступать. Прямо сейчас.

– Линяем побыстрее, – закивал Шутер.

В это время один из бойцов поднял фонарик выше, луч скользнул по двухэтажке, к пролому, и мы все попадали на пол. Отползли в глубь зала. Там я выпрямился и сказал:

– Так, хлопцы и девчата, дело плохо. Бродяга унес ценную вещь, которую я спрятал, когда вы на меня тут наскочили. В руки бойцам Шульгина, которые сюда идут, он, кажется, не попал. И двигается этот бомж, если никуда не свернет, на север. Не совсем к Краю, но примерно в том направлении. Я иду за ним.

– Для начала нужно выбраться отсюда незамеченными, – возразила Аля.

– Вот этим сейчас и займемся, – кивнул я, направляясь к лестнице с «Карбайном» на изготовку.

* * *

Солнце выползло из-за горизонта по правую руку от нас. Безымянный городок был километрах в пяти-семи за спиной. Хлопнув по висящей на плече черной кожаной сумке, Алина сказала:

– Да, Стас, аптечка у меня есть. И шприц в ней есть. А тебе зачем?

Когда еще только рассвело, я в бинокль Шутера различил далеко впереди фигуру, хромающую туда же, куда шли мы, – и, подстегнутый этой картиной, с тех пор не сбавлял ходу, нещадно погоняя своих спутников. Бомж, даром что хромой, двигался на редкость бодро. Бывалый такой бродяга, шустрый, умеет ходить. Поэтому за прошедшее время мы к нему, насколько можно было понять, особо не приблизились. Но хоть и не отстали, и то радость.

– Так зачем шприц? – повторила вопрос Алина.

– Сейчас незачем, – вздохнул я, сбавляя шаг на повороте дороги. Тут стоял остов грузовика с проржавевшим до дыр железным кузовом и смятой кабиной. – Но он мне понадобится, когда догоним того старика. Поэтому, если тебе не очень жалко, отдай шприц прямо сейчас. Мне будет спокойнее, когда он лежит у меня в кармане.

Она посмотрела на меня поверх головы Шутера, который шел между нами, и полезла в сумку. Передавая шприц, заметила:

– По-моему, нам друг другу надо кое-что рассказать, если мы хотим дальше идти вместе. Это, конечно, если ты, Стас, хочешь...

– Да, нужно бы прояснить обстановочку, – поддакнул Шутер. – Да и вообще, я уже подустал, передохнуть бы надо.

– Спешить нам надо, – возразил я, вспрыгивая на подножку грузовика. С нее перебрался на кабину, выпрямился во весь рост и поглядел вдаль. Дорога шла через поля к большой роще, через которую с востока на запад протекала река. Перед рощей виднелось несколько построек, смахивающих на ферму. Живет там кто-то, что ли? Кажется, дымок вьется над одной крышей.

Устал я прилично – вчера на ногах весь день, ночью не спал вообще, теперь вот погоня с утра пораньше. Ни минуты покоя для бродяги-охотника. Ноги гудят, а от голода уже просто мутит. И бомжа не видно – куда подевался? На ту ферму зашел, больше вроде некуда, со всех сторон открытое пространство. Я скривился при мысли о том, что старик мог взять да и выпить мой тоник. Решит еще, что это алкоголь... Хотя Темнозор спиртом не пахнет, да и вообще вид у него такой, что пить эту штуку не хочется. Кто в своем уме станет хлебать парящую

зеленой дымкой густую жидкость? Но, может, старик – алкаш, их среди бродяг хватает, хотя с выпивкой в нашем мире и проблемы. Что он дневник сжег – еще полбеды, в конце концов, я прочел всю тетрадь и понимал, что нужно найти недостающую часть. Но если он и с тоником что-то сделает... Пальцы сами собой сжались в кулак – задушу гада!

И все же загонять себя не стоит, надо передохнуть хотя бы пять минут. И подхарчиться немного. Шутер совсем налегке, только с «калашом» да с биноклем, но у Али есть сумка – может, там что-то припасено?

– Еда у кого-то имеется? – я обернулся. Спутники, воспользовавшись передышкой, присели на корточки.

– Есть, – сказала Алина. – Немного.

– Лезем тогда в кузов.

Мы сели в кружок, поглядывая наружу сквозь дыры в бортах; Аля выдала нам с Шутером по куску хлеба и по ломтю мяса. Я сказал:

– В общем-то я не против идти дальше с вами двумя. Втроем больше шансов отбиться, если столкнемся с бандой или наскочит стая мутантов, тем более, вы двое не сопляки. Одному – опаснее. Но надо понимать, кто к чему... Шутер, как ты попал в отряд майора?

– Выполз контуженный с той базы, очухался немного, ну и наткнулся на них, – прошамкал он, поедая бутерброд. Покосился на Алину. – Бойцы майора меня схватили, потом он допросил...

– Пытал?

– Не... Я все рассказал, а чего темнить? Майор ведь меня знал раньше, мы ж все – из АВ. Химка, сука, по морде пару раз двинул, да и все. А потом взяли обратно к себе. Про тебя, кстати, особо много спрашивали, а еще про то, что мы видели на той базе. Мутанты эти с глазами, полигон за оградой...

– Майор вполне мог тебя пристрелить, – заметил я. – Как потенциального предателя. Один раз ты с Фарой от него уже ушел. А не пристрелил и к себе взял потому, что кроме Алины ты единственный из знакомых ему людей, кто знает меня в лицо.

– Это так, – согласился он и отпил из фляги. – В общем, это все, мне больше нечего рассказать. Тебя я вызволить решил, потому что это не дело: людей макать башкой в воду. Пытать. Мы ж не мутанты какие. А кто так делает – тот мутант. Такой... – Шутер коснулся пальцем лба. – Умственный. Я с такими не хочу с одного котелка жрать.

– Ладно, и какие у тебя планы?

– Нет у меня планов. Вообще не знаю, куда теперь присунуться... Давайте пока, что ли, покантуемся вместе, а дальше посмотрим.

Я перевел вопросительный взгляд на Алю, и она сказала:

– Мне вообще нечего рассказывать.

– Есть чего, – возразил я. – Почему ты пошла против брата, решила мне помочь?

Она сощурилась:

– А может, охотник, ты расскажешь про себя первым? А то ты слушать любишь, а говорить как-то не очень.

Я тоже сощурился, глядя на нее. И помимо воли вспомнил Алю на берегу того озера... как она, ничуть не смущаясь, у меня на глазах сняла одежду и вошла в воду, и как потом мы лежали на берегу, на расстеленном... на чем же мы тогда лежали... Ах да, на наших куртках, укрывшись рубашками.

Наверное, что-то такое проявилось на моем лице, потому что Алина немного смягчилась. Провела ладонью по коротко стриженным волосам, отвела взгляд и сказала:

– Брат мне обещал, что ничего не сделает тебе. Сказал: просто нам нужно поговорить. Сесть и мирно поговорить, можно даже втроем. Узнать у тебя всякое, предложить вступить в его отряд. Я ему поверила, но он, как только мы догнали тебя... Сам видел.

– Ага. И видел, и ощущал.

– Если он способен так меня обмануть, значит, ему на самом деле наплевать на то, что я его сестра. То есть наплевать на мое отношение к нему. А раз так... – она припечатала ладонью по борту, выбив рыжее облачко трухи, – то и мне на него наплевать. Больше я с ним дел иметь не буду. И раньше было всякое... всякие намеки, звоночки, но теперь я окончательно все поняла. Теперь нам не по пути.

– Значит, тоже со мной пойдешь?

Она заглянула мне в глаза, едва заметно улыбнулась.

– Пока пойду, а там посмотрим. Зачем тебе в Край, Стас?

Помолчав, я ответил:

– Чтобы найти одного человека. Травника из Мичуринска-2. Он когда-то жил в Крае.

– И зачем тебе этот мужик? – спросил Шутер.

– Травник знал моего отца, которого я давно потерял. Хочу понять, где он, что с ним.

– Ну... важная тема, – согласился он. – Родного батю найти – святое дело. Тут возразить нечего.

– Не в том дело, что святое. Я его не видел кучу лет и почти его забыл. Но с ним связаны всякие непонятки, очень большие непонятки, касающиеся... – я повел рукой. – Всего вокруг. И я хочу его обязательно найти. И расспросить обо всем.

– А шприц тебе зачем? – спросила Аля.

– Потому что есть одна микстура, которую сделал Травник. Я нашел бутылек в его жилище перед тем, как мы с вами познакомились. В той дворницкой в парке, помнишь ее, Алина? И еще нашел инструкцию к микстуре. Она называется тоником и дает... кое-какие возможности.

Знать бы еще – какие, подумал я. Вытер рот ладонью и выпрямился.

– В смысле, как артефакт? – уточнил Шутер. – Ну там – метаболизм ускоряет, еще че такое?

– Вроде того. Тоник нужно вколоть, шприц мне для этого. За шприцем я и пришел в ту аптеку... Кстати, кто-то из вас знает двух таких личностей: слепую девчонку, которая хорошо ориентируется в пространстве, и рыжего бородача? Здорового такого, как бык.

– Я не знаю, – сказал Шутер.

Алина отрицательно качнула головой и добавила:

– Почему ты про них спрашиваешь?

– Потому что встретил их в аптеке как раз перед тем, как вы подвалили, – объяснил я, поворачиваясь в сторону фермы и роши с рекой. – И не просто встретил, а еще и вмешался в какое-то непонятное дело между ними, но потом они сбежали прямо перед вашим появлением, а я не успел. Так! Вот сейчас я точно вижу, что там дымок над крышей. Причем это не пожар, по-моему, внутри горит костер. Все равно как ночью в аптеке.

– Думаешь, это наш хромой? – Шутер тоже распрямил ноги. Алина принялась складывать остатки нашей трапезы в сумку.

– Не знаю, но очень надеюсь, – я полез через борт. – Придем туда и узнаем. Тоник мне обязательно надо вернуть, если он еще цел.

* * *

Дымок поднимался из дыры в крыше здания, которое я определил как коровник. Ну, или, может, свинарник, в общем, нечто фермерское, где раньше держали всякую животину. А теперь там, надо полагать, обосновались люди. То ли надолго, то ли устроили небольшую стоянку, вот сейчас и проверим.

Мы втроем лежали за кучей земли, насыпанной у сарая неподалеку, и смотрели на проем, оставшийся на месте выломанных ворот в торце свинарника. Здание было длинным, и дыра, откуда шел дым, находилась ближе к дальнему концу.

– Действуем так, – сказал я. – Шутер, поднимаешься на крышу этого сарая, сверху прикрываешь меня. Алина – отползи вон туда, к углу, где ящики. Спрячься за ними, это более выгодная позиция, и тоже контролируй. Оттуда будешь видеть все здание. Это на случай, если с другой стороны есть выход, а он там почти наверняка есть, и если оттуда кто-то появится, пойдет сюда снаружи вдоль стены. Я подползаю к свинарнику, заглядываю через ворота. Либо сразу ползу назад, либо забираюсь внутрь, это зависит от того, что там увижу. Вы лежите на месте, ждете. Я возвращаюсь, описываю обстановку, тогда решаем, что делать дальше. Вопросы есть?

– А давай я сползаю, – предложил Шутер. – Я ж того... некрупный. Шума создаю мало, перемещаться тихо умею.

Я покосился на него. По мне, лучше делать самому, чем лежать и нервничать, что тот, кому поручил задание, сделает что-то не так. Поэтому я ответил:

– Ну, и я тихо умею. Тогда на базе к вам троим подобрался на бросок гранаты, а вы и не заметили. Короче, делаем, как сказал. Только, Алина, нам бы на время поменяться стволами. Ползать сподручнее с пистолетом, а тебе, чтобы прикрывать меня, лучше винтовка, так что бери мой «Карбайн», а мне давай «СПС». Все, пополз. Оружие держать наготове и глядеть в оба.

Напутствовав спутников такими словами, двинул к свинарнику. До него добрался без проблем, хотя полз методом «червяка», с оружием в боевой готовности, на случай, если кто-то выйдет навстречу, а такое перемещение и медленное, и энергозатратное. Но дополз без шума и пыли. И увидел внутри одно здоровенное длинное помещение с высоким потолком и такими же сломанными воротами на другом конце. К ним тянулся широкий проход, а у стен были перегородки загонов: дощатые решетки высотой по пояс. Костер и правда горел на противоположной стороне, возле него было трое: двое сидят, один стоит. Его силуэт показался мне знакомым.

Я свернул к стене и стал перемещаться под перегородками, из загона в загон. Хорошо, что скотины здесь давным-давно никакой не держали, дерьмо засохло, перемешалось с землей, сверху проросла трава, в общем, ползти было не противно. От костра доносились неразборчивые голоса. Один был скрипучий, и я подумал, что слышал его раньше, только не вспомню, где именно. Потолок – далеко над головой, там на балках виднелись птичьи гнезда, свешивались мочала из сухой травы и корней. Хотя птиц не видно и не слышно.

Голоса стали разборчивее. Стоящий человек отошел, хромая, от костра к ближайшей перегородке. Там на гвозде висела фляга, хромой ее взял и пошел назад, на ходу отвинчивая колпачок.

Что это тот самый старик, который спер тоник, я не сомневался, но почему скрипучий голос кажется знакомым? Старик сел у костра, напротив двоих помоложе: один довольно крупный, с грубыми мужицкими чертами лица, а второй тощий как глиста и с унылой рожей. Первый сидел, второй лежал на боку, подставив под щеку кулак и прикрыв глаза.

Старик приложился к фляге, и здоровяк проворчал:

– Опять лакаешь, Рапалыч.

– Да какой «лакаешь», какой «лакаешь», – заскрипел тот. – Вода это.

– Ага, как же. У тебя там вино, кислятина, с водой разбавленная. Как такую бурду вообще можно пить? Нет чтобы самогона полезного хлебнуть, на ягодах...

– Так нет у нас самогона, Коротун, – перебил старик даже как-то обиженно, и тут я его узнал. Да это ж тот торговец с Черного Рынка, у которого я купил арт, «погремуху», когда собирался ночью наведаться в бандитский лагерь, чтобы спасти Мишу! Ну, точно – тот самый!

Что он здесь делает? Если Рапалыч торгует артами... Ага, то есть он не простой бомж, а старатель. Вся эта троица – старатели. Небольшая бригадка, промышляющая сбором артефактов и мелкой торговлишкой. Такие обычно приходят на новое место, разбивают лагерь и от него расходятся в разные стороны, парами или поодиночке, кто опытнее. Топчут окрестности, сносят в лагерь все ценное, что найдут, а это могут быть не только арты, любые полезные и не очень вещи. Потом сразу на месте осматривают хабар, ненужное оставляют, остальное пакуют и идут в ближайшую точку, где есть рынок или скупщик. Тем и живут.

Ситуация вроде прояснялась, и еще ясней она стала, когда я вдруг понял, что все это время тоник был передо мной – зеленая бутылочка стояла на расстеленной у костра тряпке. Я вздохнул с облегчением, едва не выдав себя. Целый. *Пока еще целый.*

– Пьянь ты конченная, Рапалыч, – ворчал тем временем Коротун. – Если б у тебя не было нюха на арты, если б было куда податься, давно бы тебя бросили.

Рапалыч погрозил корявым скрюченным пальцем:

– Не бухти, Коротун. Не только нюх у меня. Я хабаром торговать умею, закопай тебя аномалия. А вы – не умеете, щенки блохастые. Я знаю, как клиента подогреть, хабар лицом показать, на лишний рубль развести. Старость, мудрость моя в этом подмога...

Тот, кого называли Коротун, лишь махнул рукой в ответ. Возле него и его унылого напарника лежали ружья, но модель я разглядеть не мог – охотничьи, кажется, какие-то.

– Нет от вас, молодых, толку, – продолжал скрипуче нудеть Рапалыч. – Силы в вас нет жизненной, истости людской. Живете как...

– Чего-чего нет? – не понял Коротун. – Какой истости? Заткнись уже, пень корявый! Вот скажи, какая от тебя польза? Что ты можешь? Только от аномалии к аномалии слоняться да арты подбирать. Но и те побыстрее норовишь сменять на выпивку, если тебя не контролировать. Тьфу! – он плюнул в костер и отвернулся.

Я подполз еще немного ближе и замер под стеной, наблюдая за троицей у костра. Между мной и старателями оставалась всего пара перегородок. Рапалыч, отложив флягу, наклонился к тонику, повел корявым пупырчатым носом, будто обнюхивал его, потом взял. Поглядел на остальных двух и предложил:

– А давайте ее того... испробуем.

– Как испробуем? – проямлил Унылый, приоткрывая глаза.

– Как-как... губами, закопай тебя аномалия. Испробовать же надо, что за жидкость я нашел.

– Ну, ты дурно-ой, – протянул Коротун. – Ты что, не видишь? Эта зеленка светится! И вообще, она была теплая, когда я ее брал.

– Ну а что ж тогда с ней делать?

– Нести торговать.

– Да как ею торговать?! – загорячился Рапалыч. – Какую цену просить? Это ж непонятно вообще что за вещество такое!

Унылый снова прикрыл глаза, предоставляя напарникам самим разбираться, а Коротун ответил:

– Ну, так и тем более пить нельзя. Оно, может быть, гадость какая-то химическая.

– Когда счетчиком проверяли, не щелкало, – не открывая глаз, заметил Унылый.

– А гадости не обязательно быть радиоактивной. Все равно пить это – без мозгов вообще надо быть.

– Нет, не химическое оно, – возразил Рапалыч. – Аномальное. Чую я. Старость, мудрость моя так говорят. Да такое аномальное, что когда к этой зеленке приближаюсь, у меня аж в груди жжет. Но вот что оно такое – совсем не понять. Ума не приложу, такое дивное.

– Потому что ума у тебя давно нет, прикладывать нечего. А зеленку нужно нести на рынок, и все тут.

Рапалыч положил тоник обратно на тряпицу и стукнул немощным кулаком себя во впа-
лую грудь.

– А я не знаю, какую цену за нее просить! Как понять? Может, оно и бесценное вовсе.
Прогодаем, после разберемся, волосы рвать будем. Друг другу.

– Во, я понял, – заговорил Унылый, открывая один глаз. – Надо к байкерам, и там запро-
дать зеленку ихнему, как его... Бадяжнику. Он спец по всяким таким веществам, возьмет и
облизнется.

– А может, лучше в Край снесем? – предложил Коротун. – Он сейчас ближе всего, мы ж
вон куда забрались. Краевцы тоже любят такие аномальные штуковины.

– Краевцы нам могут не заплатить, – недовольно скрипнул Рапалыч. – Ты в Крае был?
Они там такие все идейные, закопай их аномалия.

– Ну, не заплатят, так что ж, тогда вернемся на Черный Рынок.

– Краевцы могут зеленку забрать. А нас – хорошо ежели отпустят. Могут и пристать: где
взяли такую зеленку? Сами сварили? Еретики! И на казнь отправят. Не, в Край я точно не
пойду. Лучше в Чум нам двинуть.

– Да при чем тут Чум? Тебя туда тянет, потому что у тебя там дружки эти сидят... цыгане
твои, морды смуглые.

– Они не дружки мне. Соратники.

– Какие, старое твоё семя, соратники? – возмутился Коротун. – Нет у тебя давно сорат-
ников, только собутыльники.

– Я им редкие арты заношу.

Коротун вскинулся:

– Ага, бесплатно отдаешь наши арты?! Я так и знал!

– Да не верь ты ему, – проворчал Унылый. – Чтоб такой пьяница бесплатно че-то делал?
И цыганам он хабар не забесплатно сбывает. Почему он, думаешь, из Чума тогда свалил?
Потому что нес туда по заказу цыган редкий хабар – и по пьяни профукал его, бестолочь. Доиг-
раешься ты, Рапалыч, бросим мы тебя. А без нас куда тебе... только к Лесу в зеленую задницу.

Пока они препирались, я привстал за перегородкой, чтобы разглядеть обстановку
получше. Оружие у старателей средней паршивости, бедноватая бригада, да и сами они не про-
изводят впечатление великих стрелков и тертых парней, любого из них я бы завалил на «три-
четыре», а старика – так и вообще на «раз», с одного удара. Но это сейчас не важно; если я
выскочу с наставленным на них пистолетом, Коротун и Унылый успеют схватить стволы, ведь
те лежат совсем рядом. Хотя бы просто от неожиданности, с перепугу, даже после предупре-
ждающего окрика – схватят, и тогда мне придется их валить. Всех троих, минимум двоих. Что
нехорошо, поскольку против старателей я ничего не имел. Мужики как мужики, честные бро-
дяги. Ну, или нечестные – но мне ничем не досадившие. Хотя Рапалыч и спер тоник, но он был
в своем праве обыскать найденный схрон, потому что хозяин любого схрона и тайника может
быть давно мертвым и нечего добру пропадать.

Выходит, чтобы обойтись без крови, нужно вернуться к Але с Шутером, которые там,
наверное, уже нервничают, и прикинуть план. Окружить свинарник, с двух сторон взять бродяг
на прицел, крикнуть из укрытия, чтоб не дергались... может быть, тогда получится обойтись
без стрельбы и крови.

Но воплотить свои намерения в жизнь я не успел, потому что увидел движение в сумраке
под далекой крышей. Кто-то полз по толстой потолочной балке. Кто-то достаточно крупный.
И ловкий – балка узкая, а он вон как шустро конечностями работает. Кажется, это существо
забралось туда через одну из дыр в крыше, а спуститься собиралось по стене, если, конечно,
вообще собиралось.

И, кажется, это было не существо – в том смысле, что не зверь и не мутант. Человек. То
есть женщина, они ведь тоже люди, как мне говорили.

Хотя и не женщина даже – девушка. Совсем молодая. Девочка.
Причем знакомая девочка.

Когда я это понял, мне захотелось приоткрыть рот от удивления – этакая сознательная мысль сделать несознательное движение челюстью. Слепая там ползла, вот кто. Она передвигалась на четвереньках, хотя употреблять это слово было не совсем верно: девчонка использовала две коленки и одну руку, а другой что-то прижимала к груди. Добравшись до конца балки, легла и замерла, обратив лицо вниз. Я затаил дыхание. Она повернулась и стала быстро спускаться по стене. Я бы так не смог, когда занята одна рука. По крайней мере, у меня бы не вышло делать это так бесшумно. И уж точно не с закрытыми глазами. У нее-то они были открыты, но ведь она ничего ими не видела! К тому же этот удивительный ребенок использовал только правую руку – левая по-прежнему была занята, хотя я все еще не мог понять чем. Да что же она – ушами видит? Кожей? Я припомнил глаза с неподвижными зрачками, которые хорошо разглядел в «птеке». Слепому трудно перепутать со зрячим, разные они; у незрячих глаза особенные, увидев хотя бы раз, уже не спутаешь. Нет, девочка точно слепая – и вот же, ползет там, быстро ползет, действуя только ногами и одной рукой, и уже почти спустилась...

Удивительно было еще и то, что двигалась она совсем тихо, и хотя была, по сути, на виду у троицы бродяг, они ее пока не заметили. В свинарнике было не сказать что сильно светло, а одежда на девочке – темно-серая, неприметная, сливающаяся со стеной.

На полу она повернулась, и тогда я увидел, что в руке у нее пара камней. Девочка, стоя у стены, занесла один над головой, некоторое время оставалась неподвижной, будто примеривалась, а потом кинула его. И тут же замахнулась вторым и тоже швырнула.

Старатели, окончательно забрав идею направиться в Край, все это время спорили, куда же нести «зеленку»: к Бадяжнику на Черный Рынок или в крупное поселение под названием Чум, где жил некий торговец, который, по мнению Рапалыча, мог отвалить кругленькую сумму. Старик очень настаивал на Чуме, но Коротун возражал, что там нормальную цену не получишь и что Рапалыч стремится туда только потому, что он сам из Чума. Ругались они самозабвенно, и неожиданная атака девчонки ошарашила их. Первый камень угодил в костер, устроив небольшой взрыв искр, разлетающихся углей и горящих веток. Второй стукнул по голове Унылого, что вывело его из сонной протрации и заставило вскочить.

– Что такое?! – хрипло заорал он, потирая макушку.

Коротун схватился за ружье, Унылый тоже, а Рапалыч, из-за спины которого прилетели камни, обернулся и скрипнул что-то непонятное:

– Зорька!

Девочка у стены замахала руками, привлекая их внимание. Вскинувший было оружие Коротун опустил ствол и возмущенно гаркнул:

– Да это девка какая-то!

– Убью! – ухнул Унылый и бросился к ней. Коротун побежал следом, за ними похромал старик. Он тряс головой и что-то удивленно бормотал.

Выждав пару секунд, девочка метнулась вдоль стены к дальним воротам. Старатели, ругаясь, повернули за ней. Сначала беглянка, потом преследователи исчезли в проеме.

Я выпрямился за перегородкой с некоторым недоумением. Тоник – вот он, стоит прямо передо мной. Никем теперь не охраняемый, никому не нужный. Второй раз за сутки мне на пути встречается этот ребенок – и второй раз в каких-то странных обстоятельствах. Но если вчера они были опасные и рыжий бородач казался явно зловещим типом, да и вообще – он же всерьез собирался ее убить! – то теперь ситуация была скорее нелепой.

Блин, да я просто возьму тоник и уйду! Почему нет? Мне ничто не мешает. Девчонка будто специально расчистила для меня место.

С этой мыслью я шагнул в обход перегородки, и тут впереди, из небольшой дыры под стеной, выбралась девочка. Дыру эту прикрывал пук соломы, а сверху лежал обломок шифера,

поэтому раньше я ее не заметил. Должно быть, она была слишком узкой для взрослого – из-за стены донеслась ругань старателей, но сами они не показались.

Появления беглянки я совсем не ожидал и только поэтому позволил ей сделать то, что она сделала. Подскочив к костру, девочка схватила тоник и бросилась мимо меня к воротам, через которые я проник в свинарник. Ах ты ж! Чудной ребенок вовсе не мне хотел помочь добыть тоник – сам его добывал! Ну да, ведь мне вчера показалось, что девочка как-то почувствовала Темнозор, будто разглядела его в потайном кармане, он еще и нагрелся тогда... Лес забирай все эти аномальные штучки!

– Стой! – гаркнул я, но она лишь побежала быстрее.

Пришлось нестись следом, то есть в обратном направлении. Только тогда я полз под перегородками, а теперь бежал со всех ног по проходу между ними. Трех бродяг пока видно не было, они оставались где-то по другую сторону здания. А вот Шутер с Алей попались на глаза, как только я очутился снаружи. Пригнувшись, они спешили к свинарнику с оружием на изготовку, должно быть, услышали шум и забеспокоились.

Мои шаги девочка наверняка слышала, но спутников моих – вряд ли, и все же она поняла, что впереди кто-то появился, и резко свернула. Мы бежали за ней. Коротун с Унылым так и не появились, а вот старика Рапалыча я напоследок разглядел – уже перед самой рощей, оглянувшись, увидел, что он стоит возле сарая, приложив руку ко лбу, смотрит нам вслед. Девочка пробежала между обветшалыми постройками и свернула к лесу, начинавшемуся по другую сторону фермы.

– Тоник у нее! – бросил я на бегу, когда Шутер и Алина поравнялись со мной. – Ничего не говорите, сам знаю, что болван! Просто догоняем ее!

– Да без вопросов! – Шутер поддал.

– Она слепая! – выдохнул я.

– Чего?! – изумился маленький боец, а женщина, бегущая с другой стороны от меня, удивленно повернула голову.

– Слепая, – повторил я. – Но при том шустрая и будто... будто видит. Эй, стой! Стой, закопай тебя аномалия!

Девочка нырнула между деревьями и почти сразу пропала из виду, растворившись в сумраке. Когда с кабины грузовика я рассматривал это место в бинокль, то видел, что роща, к которой мы приближались, не очень-то большая и что с востока на запад через нее протекает река. То есть река эта где-то впереди, и есть надежда, что она хоть ненадолго задержит беглянку.

Деревья обступили нас. Мы разбежались веером, потому что девчонка могла свернуть и притаиться за стволом совсем близко, а мы бы проскочили мимо, ничего не заметив. Поудобнее перехватив «Карбайн», я подумал: а смогу ли выстрелить в нее? Если другого варианта не будет, если станет ясно, что иначе уйдет вместе с тоником? Убить эту мелкую, гм... этого маленького ребенка женского пола? Вряд ли. В ногу выстрелю, кровожадно решил я. В ляжку ее худосочную, в бедро цыпляче.

Шутер бежал далеко слева, то и дело пропадая за деревьями; Алина была справа. Мне происходящее конкретно не нравилось. Во-первых, все было слишком суматошно, безалаберно, как-то глупо. Во-вторых – я события почти не контролировал. То ренегаты-дегенераты свалятся на голову, то какой-то рыжий верзила, то бомжи-старатели, то эта коза в человеческом обличье. Мне нужно в Край, узнать секреты Травника и созданных им тоников, найти отца, а я барахтаюсь тут во всех этих нелепостях и ношусь, как заяц, по округе.

Спереди донесся плеск, журчание. И почти одновременно справа – крик Шутера:

– Ко мне! Я ее зажал! Тут она!

Я повернул, сзади затрещали ветки – Аля тоже услышала. Вскоре она догнала меня. Еще несколько секунд, и мы выскочили к берегу неширокой, но быстрой и бурной речки. У берега

стоял лодочный сарай, рядом был полусгнивший причал. Возле него, прикрепленный цепью к кольшку, покачивался на мелких волнах катер. Цепь туго натянулась – сильное течение так и норовило унести небольшую посудину. Совсем ржавая, и как на воде держится?

Девочка пятилась по настилу, крутя головой, будто выискивая путь к отступлению, а Шутер шел за ней, повесив «калашников» на плечо и расставив руки, чтобы не проскочила мимо. Наверное, беглянка не умела плавать, иначе как объяснить, почему она не пыталась прыгнуть в воду?

Шутер оглянулся на нас и растерянно спросил:

– Что делать? Хватать ее или...

– погоди, – я шагнул на причал. – Эй, ты! Слышишь меня? Прошлой ночью я спас тебя от того рыжего...

– Палач, – сказала она.

– Что? – не понял я. – Нет, я никакой не...

– Палач хотел меня убить, – пояснила девочка, и я снова отметил, насколько этот отрешенный, чистый голосок не вяжется с происходящим.

Аля уже была рядом, втроем мы перегородили весь причал. Деваться девочке некуда, теперь ей или в воду, или к нам в руки. Хотя она могла прыгнуть на катер, качающийся рядом, но, кажется, не собиралась этого делать.

– Ну вот, значит, я спас тебя от Палача, – продолжал я. – Потому что, когда я вмешался, он тебя уже почти задушил. И ты должна мне быть благодарна, хоть немного. Ты знаешь, что бутылка, которая у тебя в руке, на самом деле моя. Отдай ее мне.

– Мне это нужно, – отрешенно прожурчала девочка.

– Милая, как тебя зовут? – спросила Аля с неловкостью женщины, никогда не имевшей детей и не очень-то умеющей, да и не стремящейся заводить с ними близкое знакомство.

– Зоряна, – ответила она. – Збря.

Ах вот что воскликнул Рапалыч тогда в свинарнике. Выходит, он ее знает? А двое его напарников – нет, судя по их реакции, они ребенка увидели впервые.

Когда мы остановились на середине причала, девочка перестала пятиться. Неподвижные глаза смотрели сквозь нас, тоник зажат в левой руке, между пальцами струилось его мягкое свечение. Я глянул на берег позади и сказал Шутеру:

– Лучше туда повернись и контролируй. Старатели могут подвалить.

– Какие старатели? – не понял он, но повернулся.

– Трое, обычные бродяги. Моя вещь, то есть эта зеленая бутылка, была у них, а девчонка ее украла у меня из-под носа. Они вооружены, но слабо.

– Их точно трое?

– Точно. Эй, Збря!

Она стояла в конце причала – маленькая, худенькая, веснушчатое личико обращено к нам, глаза неподвижные и чудные, будто смотрят за изнанку пространства. Тоник зажат в кулаке, как любимая игрушка. Вода громко плескалась под настилом, бурлила вокруг свай, била в корму катера, где был закреплен конец цепи. Речка неширокая, другой берег – всего в нескольких метрах, там стеной растут деревья. Да и мелкая вроде, но какая-то очень уж бурная, может, в верховьях недавно были сильные дожди?

Я сделал еще шаг вперед, протянул руку и сказал:

– Зачем тебе тоник? Просто отдай его мне.

– Мне это очень нужно. Я должна сама это попробовать. А тебе не надо, тебе опасно.

– Без тебя разберусь, что мне опасно, что нет. И если ты сейчас его не отдашь, мне придется...

Она присела и вдруг дернула запястьем по торчащему из настила гвоздю. Сильно, до крови.

Аля ахнула. Это и вправду было неожиданно, но почему-то я сразу сообразил, что собирается сделать чертова мутантская девчонка, и кинулся к ней. А она уже свинтила крышку с бутылочки. Я был рядом, когда Зоря вдавила горлышко в сочащуюся красным рану, оставленную гвоздем.

Тоник вспыхнул ярко-зеленым, смешиваясь с кровью. А потом что-то произошло вокруг нас... Я сбился с шага, споткнулся, едва не упал. Весь мир будто вздрогнул. Потемнело небо, тени между деревьев стали глубже. Вода в реке окрасилась в свинцовые тона. Мне показалось, будто где-то очень-очень далеко некто огромный, как гора, косматый, непонятный, приоткрыл глаза, стяхнув с громадных век комья земли, и посмотрел в нашу сторону.

И ВЗДОХНУЛ.

Вздых этот долетел до нас в виде порыва ветра, дошел тяжелым гулом, который полился с востока, с той стороны, откуда текла река.

Не знаю, сколько вещества реально могло попасть в рану тем способом, которым воспользовалась девочка. Да ведь нисколько на самом деле! Его нужно ввести в вену, а не просто полить – не попадает же в кровеносную систему йод или там перекись водорода, они только дезинфицируют внешние повреждения. Хотя у Темнозора могли быть свои, особые свойства...

Я вырвал бутылку у Зори, крышка упала на доски, покатила к щели, пришлось наступить на нее. Зеленой жидкости стало меньше где-то на четверть, а по тонкой руке вокруг раны расплывалось светящееся пятно.

– Ты зачем это сделала?! – рявкнул я, завинчивая бутылку.

Зоря, усевшись на настиле, не ответила. Подскочившая Аля спросила:

– Маленькая, как ты?

Взяла девочку за плечо и отдернула руку.

– Стас, она горячая!

Девочка задрожала и улеглась на спину, обратив к потемневшему небу пустые глаза. Гул с востока усилился. Я посмотрел в том направлении, и мне показалось, что деревья у берегов мелко трясутся. Это что, ветер такой... но ведь нет никакого ветра, он, наоборот, стих, по всей округе воцарилась тревожная тишина.

Зоря перевернулась на бок, закрыла глаза и обхватила себя за плечи. Ее бил озноб.

Мы с Алей встретились взглядами. Сзади подал голос Шутер:

– Э, парни, девчата, это чего... Это Шторм приближается? Нет, ну, правда. Шторм ведь! Шторм сюда идет! И он близко, мы даже к ферме назад не успеем. Нам же укрыться совсем негде!

Девочка села, потом встала. Покачнувшись, расставив для равновесия руки. И пошла мимо нас к берегу.

– Подожди, – Аля снова попыталась взять ее за плечо, но Зоря плавным движением сбросила ее руку. – Шторм приближается, куда ты уходишь?

– Это дыхание, – непонятно ответил ребенок. – Его дыхание – его оружие. Он так сражается.

– Ты о чем? – не поняла Алина.

Зоря пересекла причал, прошла мимо Шутера, который не рискнул ее остановить.

– Ты умрешь под Штормом, – громко произнес я вслед.

– Не умру, – донеслось в ответ. – От его дыхания мне хорошо. Оно меня лечит. Но вас может сжечь.

Ступив на берег, она направилась вдоль реки, на восток. Льющийся оттуда гул стал громче, и в просвете между кронами растущих по берегам деревьев появилась темная полоса: клубясь, наливаясь свинцовой тяжестью, она росла, накатывала на рошу. Вдруг я заметил на пути Зори мерцание, будто переливающийся мыльный пузырь метрового диаметра. Какое-то

незнакомое образование, Лес его знает, что за аномалии водятся здесь, на краю мира. Эта, как и все они, наверняка опасна, а девчонка идет прямо на нее и не видит...

– Эй! – начал я, но смолк, увидев, что произошло дальше.

Когда Зоря подошла к пузырю, тот затрепетал и угас. Просто исчез – как не бывало. Она пересекла то место, где только что была аномалия, и тогда пузырь снова возник в воздухе.

– Ты видел?! – выдохнула Аля. – Она что... она аномалии может гасить?! Эту способность ей тоник дал или она и раньше могла?

– Понятия не имею, – хрипло ответил я, машинально засовывая бутылочку в карман куртки.

Зоря шла дальше. Шутер заворуженно глядел вслед, потом тряхнул головой и шагнул к нам:

– Что делаем, охотник? Нас же Штормом накроет сейчас.

– Катер, – ответил я, поворачиваясь к посудине, судорожно бьющейся на волнах. – Отвязываем его, быстро!

Глава 5

Дыхание Леса

В катере не было ни весел, ни мотора, палуба сгнила – просто длинная коробка из ржавого железа. Она качалась на волнах как сумасшедшая, нос мотало, корму подбрасывало вместе с сидящим там Шутером, зато у посуды было одно неоспоримое достоинство: на быстром течении она неслась с такой скоростью, что Шторм пока не догнал нас.

Но догонял.

Я сидел на носу, глядя то вперед, то назад. Аля устроилась на середине. Когда роща осталась позади, сразу посветлело, теперь река текла через луг. Справа берег пологий, слева – невысокий обрыв, где стеной встает густая трава и растут редкие деревья. За корни, свешивающиеся с обрыва, можно схватиться, но попробуй подвести катер ближе к берегу без весел и руля! И потом, там не видно никакого укрытия, а значит, нас ждет такая же смерть, что и в роще.

Земля задрожала, мне показалось – берега ходят ходуном. Перед нами со дна реки вынесло нечто массивное... коряга или что-то еще, я не понял, но там вспучился грязевой пузырь, в середине которого что-то бултыхнулось, провернулось, будто живое, потом снова ушло под воду, оставив на поверхности клочья коричневой пены. Катер врезался в нее, пробурив носом грязевое пятно, понесся дальше. Слева растущее на самом берегу дерево вдруг накренилось, стремительно взмахнув кроной и, выворачивая из земли корни, рухнуло в воду. Аля вскрикнула, мне тоже показалось, что дерево упадет на нас, но оно обрушилось между нами и берегом, только брызгами обдало.

– Чертова душегубка! – Аля громко стукнула зубами, когда очередная волна подбросила катер. – Меня сейчас стошнит!

– А у меня башка отвалится! – простонал Шутер с кормы. – Как буром сверлит!

Я чувствовал себя не лучше. Позади над рощей вставало темное зарево, в котором кружился смерч ядовитых спор. Там полыхали вспышки густого красного света – и в ритме с ними в моей голове раз за разом взрывалась боль. Мозги как кузнечные меха набухали и опадали, глаза застилала алая пелена, я едва сдерживался, чтобы не застонать. И вместе с этими пульсациями тоник, лежащий в потайном кармане куртки, снова и снова вспыхивал волнами тепла, почти жара.

– Он догоняет! – прокричала Аля сквозь льющийся сзади гул. Я посмотрел на стену аномального Шторма, ползущую по миру вслед за нами, и крикнул:

– Конечно, догоняет!

– Так что делать?!

– Попробуй молиться!

– Сам молись, если думаешь, что поможет!

– Я атеист! Но в ад все равно не хочу!

– Поворот! – крикнул Шутер, показывая вперед.

Река там изгибалась, обрывистый берег нависал над ней. До сих пор катер несло по стрежню, по самой быстрине, а теперь он оказался почти у берега. Я пригнулся, крикнул предостерегающе. Аля и так сидела на дне, потому что палуба в том месте полностью сгнила, но Шутер устроился на кормовой банке, и его могло сшибить. Маленький дезертир согнулся, накрыв голову руками. Свисающие корни хлестнули меня по темени, на миг стало темнее, и потом катер вынесло за поворот. Река тут становилась шире. На обрывистом берегу стояла кирпичная стена, от которой к воде уходила толстая труба. На конце она плавно изгибалась книзу и заканчивалась примерно в полутора метрах над поверхностью. Позади стены видне-

лась шиферная крыша, и все вместе это напоминало небольшое сточное сооружение. Есть там надежный глубокий подвал или нет, понять отсюда было невозможно, но...

Но Шторм приближался, он катился по миру, подминая растительность, пожирая пространство, он гудел, ревел, стонал на тысячи голосов, мигал кровавыми всполохами. Гигантский смерч распался на десятки бешено вращающихся поганок, которые ползли впереди основного фронта, заливая землю потоками ядовитых спор. От колебаний электромагнитного поля голова гудела будто колокол.

Шторм гнал перед собой сильный поток воды, и катер почти летел на волнах, но ясно было, что через пару минут нас накроет.

– Цепляемся! – крикнул я, передвигая «Карбайн» за спину и приподнимаясь. – К той трубе!

– Но как?! – крикнула Аля, застегивая на поясище ремешок своей черной сумки.

– Ко мне – оба! Мы проплывем почти точно под ней, я схвачусь, а вы держите меня!

Нас действительно несло прямо на трубу. Я приподнялся повыше, подался вперед – и в нужный момент схватился за нее. Хорошо, что на перчатках шершавые кожаные подушечки – держаться легко, не скользят. Ногами я постарался зацепиться за борта. Аля, потом Шутер ухватились за меня. Катер начало разворачивать кормой по течению. Я сунул в трубу голову, убедился, что она ничем не забита, и полез. Крикнул:

– Шутер – держись за трубу! Аля – давай внутрь!

Катер едва не сорвало течением, но наш дезертир, истошно матерясь, сумел удержать его. Труба была достаточно широка, чтобы развернуться внутри нее и пропустить мимо себя Алину. Когда она заползла вглубь, я улегся грудью на покатом изгибе, протянул вниз руки и схватил Шутера за голову. Он уперся ладонями в железные стенки. Поджал ноги. Катер под ним сразу устремился прочь, открыв для взгляда бушующую воду.

– Автомат! – завопил Шутер. – «Калаш» мой! Выронил, млять!!!

– Забудь про автомат! – приказал я и втянул его наверх.

Аля ползла первая, мы за ней. Шутер все ругался, но голос почти заглушал льющийся в трубу гул. Труба сначала шла горизонтально, потом – с небольшим уклоном книзу. Когда стало уже совсем темно, Алина вытащила из сумки фонарик. Луч озарил преградившую путь решетку. Прутья толстые и частые, между ними застрял всякий сор и застывшие пенные мочала, будто отлитые из бледно-желтого пластика.

– Что это за гадость?! – прокричал Шутер, заглядывая поверх моего плеча. – И дальше нам как? Еще минута – и накроет! Эта труба слишком тонкая, чтоб защитить от Шторма!

– Сейчас мы под землей, – возразил я. – Так что не факт.

– Но ты не знаешь, какой слой земли над нами. И потом, лучше чтоб был бетон. И еще желательно стальную плиту над головой.

– Ну да, тебе еще титановое бомбоубежище подавай...

– Заткнитесь! – велела Аля. Она лежала на животе, а теперь перевернулась и посветила вверх. – Тут еще одна решетка.

– Вроде с виду более хлипкая? – спросил Шутер, заглядывая. – Или мне кажется?

– Не кажется, – подтвердил я, но он не услышал: в этот миг гул резко усилился. Труба задрожала, проникающий внутрь шум воды стал оглушительным.

– Все, кранты, – констатировал дезертир.

Алина задрала ноги и пнула решетку. Там хрустнуло, она снова наподдала, выбив из пазов железную раму. Вскочила и полезла вверх.

Дальше была небольшая камера с железными стенами, уходящий вбок короткий коридор – и нечто вроде металлической воронки, в которую мы скатились один за другим. Ее «горло» привело нас в бетонную коробку. Когда Алина свалилась в нее, фонарик вылетел у нее из рук, покатился, ударился о стену, успев озарить небольшую дверь в углу, погас. Аля

вовремя отпрянула, и я упал не на нее, хотя лучше бы – на нее, все-таки помягче, чем валиться на бетон. К тому же я сам убраться в сторону не успел, и Шутер очутился на мне. Я крикнул от боли, спихнул его. Он сдавленно выругался. В крошечной тьме перед глазами плавали разноцветные пятна. Гул Шторма здесь звучал негромко, глухо, а шум воды почти не доносился.

– Спички? Зажигалка? – бормотал Шутер. – Или фонарик? Включите кто-нибудь чертов фонарик!

– Успокойся, – велел я. – Шторм... все, он уже здесь. Догнал.

В этот момент во мраке Алина сумела найти мою руку, крепко сжала и придвинулась ближе. Я улегся на бок, она тоже. Прижалась ко мне, спрятала лицо на плече. Я похлопал ее по спине, положил руку на затылок и замер. Шутер тоже затих. Мы лежали в абсолютной темноте, а над нами проносилось дыхание Леса.

* * *

В темноте раздался стук, клацнула кнопка, потом Алина сказала:

– Не включается. Стас, ты уверен, что хочешь это сделать?

– Хочешь? – переспросил я, снимая перчатки и засовывая их за ремень. – Конечно, я этого не хочу. Но я уверен, что должен это сделать. Шутер, зажигалка у тебя?

– Я экономлю, не чиркаю почему зря, – донеслось слева.

– Правильно. Дай ее сюда.

– Как? Ни мутанта не вижу, где ты там находишься!

– Не нервничай, – посоветовал я. – Шторм прошел, мы живы, даже не ранены. Расслабься и получай удовольствие от интимной обстановки.

– Я темноты и всяких пространств боюсь, – заявил он. – То есть таких – маленьких и замкнутых. Вот зажигалка, услышал?

Слева стукнуло. Я провел ладонью над полом и сбил стоящий на нем металлический цилиндр. Нашупал его, поднял, чиркнул. Так: бетонный короб, в одном углу железная дверца, в другом нечто вроде лохматого гнезда из ветоши и всякой рвани. Дверь мы уже проверили – заперта, хотя я был уверен, что, немного повозившись, отопрем ее без особых проблем, – а гнездо воняло кислотой и влажной шерстью, будто попавшая под дождь давно не мытая дворовая псина, и приближаться к нему не хотелось.

Я лежал на боку, Аля сидела под стеной, вытянув ноги, Шутер – по-турецки, скрестив руки на груди и нервно покачиваясь. Действовать надо было быстро – неизвестно, насколько хватит бензина в зажигалке, а фонарик сломался. Спички нашлись, но в коробке их всего с десяток.

С откинутым колпачком зажигалка горела сама по себе, держать клапан нажатым не нужно, и я поставил ее на бетон. Достал тоник, шприц, вскрыл упаковку.

– Стас, – снова подала голос Алина. – Ты неправильно поступаешь. Ведь ты даже толком не знаешь, что это за штука.

– Девчонка выжила, – возразил я. – Сами видели: потряслась, встала и пошла.

– Ага, прямо под Шторм, – буркнул Шутер. – Может, у нее крыша в Лес уехала от твоего тоника.

– Нет, она была не безумнее, чем до того. Просто... непонятная.

– Но она только полила себе на рану, а ты собираешься сделать инъекцию, – повысила голос Алина. – Послушай, это просто безрассудство! Ты взрослый человек, по крайней мере, кажешься. А тут... какое-то глупое мальчишество.

– Ты внутренним голосом устроилась работать? Не сотрясай воздух, – отрезал я, начиная злиться, потому что Аля озвучивала мои собственные страхи и сомнения, которые я старался загнать поглубже.

– Я тебе помочь хочу! – вспыхнула она.

Я припомнил свое видение в подвале магазина, когда майор Шульгин собрался пытаться меня, это мерцающее лицо с глазами-ямами, этот зов, проникший в мое сознание, и сказал:

– Тоник уже дважды ускользал у меня из-под носа. Что мне его удалось выудить назад у тех старателей – вообще чудо. Больше рисковать я не буду. Решение я принял, поэтому хватит говорить на эту тему.

Свинтив крышку, поднес тоник ближе к глазам и уставился на него, потому что заметил в середине светящегося маслянистого вещества темное облачко. В самом центре, едва различимое. Оно плавало там, извиваясь, будто клочок дыма, невероятным образом очутившийся внутри густой жидкости. Это что еще за штука такая? Зажигалка светит слабо, огонек трепещет, может, мне просто мерещится... Сведя брови над переносицей, я поднес тоник к глазам еще ближе. Точно – клубится внутри облачко темноты, извивается, трепещет. Почему я его раньше не замечал?

Я понял вдруг, что если не сделаю это сейчас, то через пару минут могу уже просто не решиться, и сунул конец иглы в светящееся вещество. Наполнил шприц, повернув иглой кверху, пощелкал по корпусу и немного сдвинул поршень, выдавив из иглы зеленую каплю. Стащил куртку, закатал рукав рубахи. Поднял взгляд на спутников. Они смотрели на меня, причем Алина – поджав губы, с недовольством и обидой. Шутер поежился, отвернулся к тряпичному гнезду в углу и сказал:

– А мне вот эта штука не нравится. Мы тут сидим спокойненько так, будто не видим ее. А это логово чье-то. Там даже косточки лежат, и еще зубы. Зубы, мутант их задери! А мы сидим и вроде не замечаем...

– Все мы замечаем, – перебил я. – Просто – что нам делать с этим? Да, вот такое логово тут в углу. Но хозяина его не слышно, может, он давно сдох? Ты же видишь, в гнезде гнили нет, все сухое, кости такие... чистые, вроде старые. Реально он мог сдохнуть или уйти куда-то давным-давно.

– Меня другое волнует, – проворчал Шутер, ерзяя. – Я не понимаю – чье это логово? Что за мутант? Ведь не человек же тут обосновался. А мутантов я знаю, всяких повидал: горбунов, пятнистых волков, шатунов, даже с лешим как-то столкнулись. И это гнездо никому из них не принадлежит, понимаете вы? Что за зверь невиданный его тут себе сварганил?

Я припомнил живущих в старой шахте файтеров, припомнил странных худых созданий с огромными умными глазами, которые спасли меня на болоте... хотя эти последние не были мутантами в привычном понимании, то есть они не были зверями, скорее уж измененными людьми... Припомнил все это и подумал о том, что не так уж много мутантов Шутер видел за свою жизнь. Но вслух сказал другое:

– Не важно. Хозяина гнезда все равно здесь нет.

– Да как же не важно! – возмутился он. – Важно, потому что хозяин может вернуться. Шторм закончился, нам надо отсюда побыстрее тикать. Дверь вскрывать и выбираться, а мы сидим и ждем, пока ты вколешь себе какую-то бурду.

– Вот, кстати, дверь, – заговорила Алина. – Почему она заперта? Снаружи? В ней же замок... выходит, хозяин логова умеет обращаться с замками?

– Может, он таки человек? – с надеждой спросил Шутер.

– Для человека оно слишком круглое и небольшое. Там разве что свернувшись калачиком... Да и пахнет слишком по-звериному. Стас, ведь он прав: надо уходить отсюда, но мы торчим на месте, потому что тебе вздумалось колоть себе эту дрянь.

Запретив себе думать про облачко тьмы, живущее в бутылке с тоником, я молча похлопал двумя пальцами по сгибу локтя, чтобы вылезла вена. Алина сделала последнюю попытку:

– Охотник, а ты понимаешь, что этот Шторм начался из-за того, что девочка использовала тоник?

Я поднял бровь:

– И ты в такое веришь?

– Я... фух, – она покачала головой. – Я ни во что не верю. Но сейчас вообще происходит очень много необъяснимого. А все, что связано с Лесом, – вдвойне необъяснимей.

– Я тоже об этом подумал, – насупленно произнес Шутер. Судя по тону, ему очень не нравилась эта мысль. – Только та девка себе полила на рану этот твой тоник, так оно и загудело. Будто в ответку. Очень так... совпало.

Они замолчали, когда я откинулся на полу, улегшись головой на свернутую куртку, поднял шприц.

– Слушайте сюда, – сказал я, разглядывая сгиб локтя и примериваясь к вене, едва различимой в трепещущем свете зажигалки. – Первое: Шторм прошел, но смерчи еще некоторое время после этого могут гулять. Спорами надышимся – в лучшем случае траванемся по самое не хочу, в худшем вообще до смерти. Вы и сами знаете, что выходить пока нельзя, минимум еще час, просто вам тут страшно, поэтому от нервов болтаете ерунду и рветесь наружу. Второе: я собираюсь провести этот час с пользой и сейчас вколю себе тоник. Решение принято, и нечего бухтеть мне на ухо. Если меня начнет колотить или там приступ... не знаю, вроде эпилепсии... в общем, буду благодарен, если вы за мной приглядите. Третье: вот, кладу ствол рядом, возьмите его, пусть на всякий случай какое-то время будет у вас. Зажигалка уже раскалилась, как я сделаю укол, погасите и выждите несколько минут. А потом можете заняться дверью, чтобы когда-таки соберемся отсюда выходить, она нам не препятствовала. Вопросы есть? Вопросов нет. Ну, с богом... То есть с Лесом.

С этими словами я осторожно ввел иглу в вену. Алина даже взгляд отвела, настолько не одобряла всего этого, а Шутер снова нервно заговорил:

– Я вот был знаком с одним мужиком, который доказывал, что Лес – и есть Бог. То есть не Бог в прямом смысле, а какой-то этот... великан. Как-то тот мужик его называл – Имир, кажется. Исполин, все такое. И вот этот Имир...

Я уже не слушал – поршень медленно сдвигался, зеленая субстанция уходила в мою вену, растекалась вместе с кровью по руке... по всему телу... и облако тьмы где-то там – плывет по кровеносной системе, трепещет, извиваясь, путешествует по артериям...

Жжение. А потом, резко, холод. Ледяная волна. И тут же – тепло, мягкое, обволакивающее. Оно все сильнее. Как будто в груди вместо сердца горит солнце, сияет, заливая все вокруг золотым светом. Потом гаснет. Сумерки. Тьма. Во тьме ворочается кто-то – огромный, косматый, зубы его – камни, волосы – деревья, череп – свод неба. Он дышит: медленно, неровно, иногда надолго замолкая, а иногда шумно выдыхая, и каждый Его выдох – буря, ураган. Шторм. Мутанты, странные растения, аномалии, все изменившаяся реальность вокруг, все это – Его оружие. И я – только Его часть. Крошечная часть, лишь Его мысль, одна из мириад мыслей в огромном сознании...

И я вижу.

Я вижу в глубине сумрачного пространства, заполненного шепотом живых деревьев, пятно света. Поляну. Очень далеко, она просто пятнышко чистого света во мгле. Лесной угол. Эдем. Посреди него кто-то стоит. Одинокая фигура – только крапинка на этой поляне, которая, в свою очередь, лишь золотое пятнышко в океане лесной тьмы. Невозможно разглядеть подробности, но одно ясно: это человек. Он знает про меня. Он смотрит.

Он видит. Он тоже видит!

И ждет.

Не знаю, сколько прошло времени, я потерялся, растворился в безграничной мгле. А потом она исчезла, и я понял, что снова нахожусь в бетонной коробке под землей, лежу на спине, головой на чьих-то коленях.

И еще понял, что вижу двух людей рядом с собой. И вроде они мне знакомы. Мелкий поджарый мужичонка и коротко стриженная женщина, склонившаяся надо мной... Да это же Алина Шульгина и беглый армеец по прозвищу Шутер. Только почему они такие... такие...

Почему они состоят из светящегося дыма?

Я поморгал, зажмурился, широко раскрыл глаза. И окончательно убедился, что это не глюк – двое людей и вправду светились. Хотя в помещении было по-прежнему темно, как у мутанта в заднице, но теперь я мог их различить. Моя голова покоилась на коленях Али, а Шутер устроился под стеной рядом. И обоих я видел в виде бледной световой дымки, принявшей форму человеческой фигуры. Дымка состояла будто из мельчайшей пыли и хлопьев покрупнее, которые клубились, гасли, их место занимали новые... Ярче всего светились головы и глаза.

Этакие холодные дымные призраки. Причем картинка не такая, как в ПНВ, не похожа. Впечатление, будто я различаю, не знаю... биологическую ауру, что ли. Хотя покойный напарник обсмеял бы меня за такие слова и сказал бы, что никакой «биологической ауры» не бывает, это все мистика и антинаучная чушь.

Интересно, что я ничуть не испугался, даже почти не удивился. Я ведь ожидал, что тоник подействует как-то необычно – ну вот и получил необычное в полный рост. Куда уж необычней. И сознание приняло это с пониманием, как должное.

Силуэт под стеной пошевелился, овал головы сдвинулся. Раздался голос Шутера:

– Ну, как он?

– Не знаю, – сказала Алина. – Не двигается, но сердце бьется.

– Ну и хорошо, что не двигается. А то если и дальше бы так дергался, как вначале...

Так я дергался, значит? Сам не помню... собственно, я вообще ничего не помню. Просто нырнул во мглу – и вынырнул из мглы. Причем вынырнул преображенный, что-то во мне изменилось. Не только зрение, что-то еще, чего я пока не мог осознать, а может, и не смогу никогда. Как будто стал немного другим существом после того, как вколол тоник. Но ведь я думаю как раньше, осознаю себя Стасом Логином, все помню... Значит, я та же самая личность? С другой стороны, если я в чем-то изменился, то могу просто не понимать этого, потому что я-новый кажусь самому себе таким же естественным и правильным, как и я-прежний. Вот что действительно пугало. Потерять самого себя, стать каким-то нечеловеческим существом – и не понять этого!

Аля произнесла:

– А если он вообще никогда больше не пошевелится? Нет уж, лучше пусть бы дергался. Я боюсь вообще-то.

Я хотел сказать ей, чтоб не дурила, но промолчал. Решил для начала окончательно прийти в себя. Оставаясь неподвижным, скопил глаза влево, вправо...

И увидел, что гнездо неведомой зверушки-мутанта в углу тоже светится. Сияние было бледно-лиловым, и в нем проглядывали фиолетовые дымчатые полоски и еще нечто вроде капель. Сначала я не мог понять, что это, потом сообразил: кости. Кости и зубы жертв, притащенные в логово неизвестным хозяином. Вот так зрением меня оделил тоник! Темнозор, а? *Темный зор...*

Аля положила ладонь мне на лоб, и рука ее показалась непривычно холодной, почти ледяной, хотя жара я не чувствовал. Другие неприятные ощущения были: ломило суставы, в висках стучало... Будто пришел в себя после сильной болезни, едва-едва температура спала, еще не очухался толком. Но жара точно нет, да и голова нормально работает.

Я приподнял голову, и Алина схватила меня за плечи, сверху заглядывая в лицо, хотя видеть ничего не могла.

– Стас!

– Тут я.

– Очнулся.

– А то. Дай-ка я сяду... Так, а ну не подталкивай меня в спину, я сам.

– Ты еще слабый. Трясет же.

– Это от радости, что живой. Все, теперь пододвинься.

Она немного отодвинулась, и я повернулся, встал на колени.

– Так что, охотник, как себя чувствуешь? – спросил Шутер. На овале его лица при этом в такт словам гуляли тени, изгибались и помигивали серые всполохи. И глаза светились – два светлых пятна без зрачков, что придавало ему какой-то инопланетянский вид. У Алины, к слову, были такие же, только немного больше.

– Нормально в целом. Ну что, давайте выбирать. Вы пытались вскрыть дверь?

– Давно открыта, – сказал он. – На раз, я вон шпильку у Альки взял и... Слушай, так чем тебе этот тоник помог? Что с тобой теперь? Алина, огоньку-то дай.

– Да ничего со мной, – ответил я, в то время как Аля щелкнула зажигалкой. Свет ее для меня теперь был как красное пятно, вокруг которого дрожал прозрачно-алый шар. Два дымчатых силуэта сразу поблекли, но до конца не стерлись.

– Стас, точно все в порядке? – спросила она, поднимая зажигалку выше и освещая мое лицо.

Я не собирался никому ничего рассказывать о том, что во мне изменилось, лишь кивнул в ответ. Натянул перчатки, взял у нее зажигалку, повернулся, скользнув взглядом по тряпичному гнезду, и на четвереньках пополз к двери. Она теперь была приоткрыта. На полпути бросил:

– Не тормозите, за мной.

Огонек зажигалки затрепетал, стал угасать, снова разгорелся ярче. Бензин там, что ли, кончается?

– У нас ведь еще вроде спички были? – припомнил я, раскрывая дверь пошире и заглядывая в бетонный коридор с очень низким потолком и сырыми потеками на стенках. Тянулся он метров на десять-двенадцать и заканчивался тупиком. Зато в потолке, в самом конце, был люк. Открытый – через него проникал слабый свет.

– Спички совсем отсырели, не зажигаются, – откликнулся сзади Шутер.

– Тогда ползем быстрее, зажигалка сдыхает. Там вверх вроде люк.

Тут она и сдохла, и снова воцарилась тьма, но теперь не совсем полная – пятно света маячило впереди, а когда я оглянулся, то, как и раньше, увидел призрачные силуэты спутников.

– Ползем! – велел я.

Тусклый свет из люка для моего нового зрения выглядел как легкая светящаяся дымка, струящаяся сверху. Вдруг она мигнула, и в коридор прыгнуло... нечто.

Будто косматый сгусток мрака. Он клубился, очертания менялись, хотя в них можно было разглядеть подобие конечностей, а еще мне почудились глаза: жгучие дыры в чернильном дыму.

Кем бы ни был хозяин этого логова, он сразу понял, что к нему забрались незваные гости. На миг посреди черного клуба проступило лицо, в чем-то человеческое, а в чем-то звериное: губастая щель рта, два багровых круга глаз, клыки. Потом тварь бросилась к нам.

Я все никак не мог понять, что это такое, но от волны удушливого страха, покотившей перед мутантом, перехватило дыхание.

– Стреляйте! Стреляйте! – завопил я, подавшись назад.

Натолкнулся на Алину, сообразил, что «Карбайн» у нее, сдернул с плеча женщины ремешок и повернул винтовку стволом вперед. Клуб мрака был уже на полпути к нам, он несся, цокая когтями по бетону. Я открыл огонь.

Пули врезались в сгусток косматой тьмы, оставляя на ней бурлящие круговороты-воронки, которые парили серой дымкой. В трубе резко чем-то запахло. Я пятился, отталкивая спутников. Сзади кричала Алина, пыталась достать «СПС», матерился Шутер. Тварь

неслась к нам, а пули били в нее, как в плотный ком ваты. Кажется, я тоже кричал. Выжимал спусковой крючок и пятился... А потом все кончилось – резко, будто оборвалась туго натянутая леска. Вдруг стало тихо, только в ушах невыносимо звенело. Я еще по инерции пару раз вдавил спусковой крючок, сообразил, что магазин пуст, что запасного у меня нет, и опустил «Карбайн», плясая на лежащий прямо передо мной сгусток мрака. Вокруг него по бетону растекалось черное пятно, а позади из люка по-прежнему лилась световая дымка.

– Что... что... что... – бормотала Аля сзади. – Стас, ты... почему... в кого ты...

– Охотник, в кого стрелял?! – выдохнул Шутер.

– Вы что, не видели? – спросил я. Ткнул стволом в тварь – что-то мягкое, податливое.

Ужасом от него до сих пор веяло, такими пульсациями, от которых сжималось в груди. В такт этому сгусток мрака вроде как слегка вспухал и опадал... И еще, когда, толкнув Алину, я заставил ее наконец перестать монотонно повторять это свое «что... что...» – то расслышал едва различимый, на самой грани слуха, шелест. Косматый мрак дышал – тяжело, болезненно. И с каждым выдохом посылал на нас все более мелкую волну страха. Пси-тварь, вот что это такое. Давит на мозги ужасом, заставляет жертву цепенеть, вспрыскивает страх в тело, как паук – яд в муху. Парализует, хватает и пожирает. А ведь сама по себе тварь небольшая, этак с ребенка лет восьми. Она все еще напоминала бесформенный ком черной ваты, лежащей посреди лужи натекших из нее чернил, но с каждой секундой я все лучше различал детали. Карлик – ноги, руки, голова... какие-то наросты у шеи... Они слабо подрагивали в такт его дыханию, тихому шелесту и волнам страха. А потом застыли. Шелест смолк.

И страх прошел окончательно.

– Стас... – начала Алина, и я встрепенулся. Почесал лоб прикладом, глубоко вдохнул, выдохнул. На всякий случай уточнил:

– Вы видели, как из того люка впереди прыгнул мутант? И побежал на нас?

Шутер отрицательно забормотал в ответ, Аля сказала:

– Я что-то видела, но совсем непонятное. Что-то метнулось в темноте, и все. И страшно вдруг стало очень, просто чуть не описалась.

– Ты смелая девушка, – сказал я. – Ведь удержалась все же. Короче, это был какой-то карлик, прыгнул из проема и бросился на нас. Я его завалил, хотя он и живучий как Лес знает что. С десяток пуль вогнал – а он еще полз.

– Карлик? – повторил Шутер. – Карлик, мутант ему в дышло!

– Ага. Я таких раньше не видел.

– Че еще за карлик?!

– Не нервничай, малыш, все уже позади.

– Не называй меня малышом, охотник!

Я пожал плечами и осторожно пополз вперед.

– Ладно, так или иначе, это пси-мутант. Давит на мозги ментально, страхом, жертвы цепенеют... я, по крайней мере, расклад понял так. Но теперь он сдох, вот и все. Не знаю, насколько вы хорошо различаете... короче, он лежит прямо перед нами, почти на середине трубы, но все же немного левее. Поэтому держитесь правой стороны, прижимайтесь к стене.

Проползая мимо твари, я приостановился, оглядел ее. Точно – карлик. Сначала показалось, что он волосатый, но быстро стало ясно, что на подземном обитателе одежда из шкур. Карлик лежал на брюхе, и переворачивать его, чтобы разглядеть лицо, я не стал. Затылок у него был бледный, сморщенный, без волос. А на шее – наросты вроде мясистых червей. Они-то и шевелились последними, когда весь он уже застыл, и я подумал: а может, это органы, которые исторгают те самые волны ужаса, едва не погубившие нас? Какие-то ментальные отростки, связанные с мозгом жгутами нейронов, все равно как у нас глаза соединены с мозгом глазным нервом? Хорошо, что в свое время напарник заставлял меня читать всякие книги, учебники и не только их, которые мы находили в старых школах и библиотеках. Теперь я, по крайней

мере, хоть что-то знал, и это помогало не впадать в язычество и варварство, какими страдают многие кочевые байкеры Черного Рынка да и обычные бродяги. Большинство из них решило бы, что подземный мутант – исчадие ада, демон из глубин или еще Лес знает что, я же смотрел на вещи более прозаически.

Я прополз мимо карлика, спутники двигались следом за мной, с опаской косясь на него. Шутер так вжимался в стенку, словно хотел продавить ее.

Люк привел нас на дно глубокой ямы-воронки, стены которой состояли из застывшей смеси глины и земли. Верхний край ямы окружал бордюр с проемами, накрытый бетонной плитой. Что это за сооружение, я так и не понял, но решил не заморачиваться – перебросил ремешок «Карбайна» через голову и побыстрее заполз наверх, оскальзываясь и съезжая, сыпля на головы Алины с Шутером комья земли.

Снаружи было серо, пасмурно. Я выглянул в проем. Алина, потом Шутер улеглись рядом. Шел дождь. Отсюда открывался вид на мокрые овраги, заросшие бурьяном, между которыми как кривые зубья торчали остатки кирпичной кладки.

– Какой-то небольшой завод, по-моему, – сказала Алина.

– То есть руины завода, – поправил я.

– Главное, не видно никого, – вставил Шутер. – Никакого движения, а?

Она кивнула:

– Пусто. И тихо.

– А то я боялся, что тут наверху стоя этих не пойми чего будет шастать. Вы его разглядели?

– Это был карлик, – повторил я. – Такой сморщенный, лысый и в шкуре.

Шутер удивился:

– Откуда знаешь? Там же была почти полная темнота.

Пришлось неопределенно пожать плечами.

– Разглядел как-то. Что ты на меня смотришь?

Последний вопрос был обращен к Алине, которая, улегшись на склоне рядом, разглядывала мой профиль. Вместо ответа она подалась ко мне, почти прижалась носом к щеке, потом отодвинулась и сказала:

– Ты как-то изменился, Стас.

– Да ну, брось.

– Нет, правда.

– Клыки, что ли, выросли? – Я оскалился, повернув к ней лицо. – Или рога?

– Я серьезно. Только не могу понять... такое чувство, что у тебя теперь немного другой запах. Совсем чуть-чуть, но...

– Неприятный, что ли?

– Просто другой. И еще что-то не так. Ты точно не ощущаешь в себе никаких изменений?

– Не-а, – ответил я, постаравшись изобразить беззаботность. Ну, не хотелось мне никому рассказывать про действие, оказанное тоником. Даже Алине, которой не доверять вроде бы до сих пор не было повода. Пусть мы с ней и занимались этим делом на берегу озера, и нравилась она мне, в общем-то, но... Это теперь моя тайна, как приступы мерцания. И делиться ею я пока ни с кем не хочу. Может быть, позже, но не сейчас. Про Шутера и говорить нечего, он – случайный и временный спутник на моем пути. Не предатель по натуре, не подлец, это уже ясно, в определенной степени на него можно положиться, но осторожно, с оглядкой. В нашем мире не только друзей – даже приятелей и временных союзников надо выбирать с большой осторожностью.

– Никаких изменений, – повторил я твердо, и Алина спросила:

– Для чего тогда был этот тоник?

– Во-во! – поддакнул армеец-дезертир. – Какой смысл было рисковать, травиться, если толку никакого?

Я полез наружу, сказав напоследок:

– Рискнул, ничего не получил – ладно, бывает. Не вы ж рисковали, вот и не болтайте.

Дождь был мелкий, теплый, почти что приятный. Капли сеялись с неба, будто сквозь мелкое сито. Почти невесомые, они сразу облепили лицо, шею, и после неподвижного воздуха подземелья это было приятно. Я выбрался на пригорок, отряхнулся и поглядел по сторонам. Среди тихо шелестящих под дождем зарослей и отвалов раскисшей земли торчали остатки кирпичной кладки, куски бетона, изъеденные временем балки. Небо было светло-серым, прозрачная дымка запеленала окрестности.

Я повернулся к спутникам, забравшимся на пригорок следом, и ткнул рукой:

– Река должна быть там. А роща – там. Или ошибаюсь?

– Да вроде так, – согласился Шутер. – Мы особо сильно под землей вроде как не плутали.

– Тогда Край – в том направлении. Причем вообще-то до него уже должно быть недалеко.

Вы все еще хотите идти со мной? У меня в Крае дело, а вам отсюда можно в любую сторону...

– Да в какую же? – перебил он. – Я в этих местах никогда не бывал. Куда идти? Слышал, где-то на пути к Краю есть пара крупных поселений бродяг, но и пятно Леса тоже есть. Большое. Еще забреду... Да я ж к тому же без ствола, только нож.

– Алина, а ты? Сейчас самое время окончательно решить.

– Я из-за тебя бросила своих, – тихо проговорила она. – И ты теперь спрашиваешь? Куда мне, по-твоему, идти одной?

– Не знаю. Я и предложил сразу: идем вместе. Но вдруг у тебя за это время изменились планы и... Что?

Она хмурилась, вглядываясь в мое лицо. Потом схватила за плечи, потянула к себе.

– Стас!

– Что?

– У тебя глаза изменились!

– Как это? – опешил я.

– Они... они поблескивают как-то. Раньше такого не было. И еще стали другого цвета.

– А ну, дай погляжу, – Шутер шагнул к нам, тоже заглянул мне в лицо, помолчал. – Не, я вроде ничего такого не вижу.

– А какого цвета у меня глаза были раньше? – спросил я.

– Да мне откуда знать? С виду так все путем.

– Карие они были, – уверенно ответила Аля. – Я помню. А теперь немного посветлели.

Вроде добавилось чуть-чуть зеленоватого оттенка. Совсем немного. И блеск этот...

– Да не блестят они, – заявил Шутер и отступил. – Тебе мерещится.

– Нет, не мерещится! Просто нужно взглянуть под определенным углом, только тогда заметно. Ты изменился, Стас. Меня это... – она сделала шаг назад и добавила, как будто только что поняла сама и удивилась: – Меня это пугает.

Я хотел сказать, что бояться надо мутантов и аномалий, а не меня, но не успел – в канаве неподалеку что-то сдвинулось, шевельнулась тень... И будто из ниоткуда там возникли двое. А левее, за кустами, выпрямился еще один. На всех – серые меховые куртки, и у всех в руках стволы, которые глядят на нас. Пристально так глядят, с подозрением, не то чтобы недобро, но настороженно, если, конечно, у складных укороченных «АКСУ-74» может быть такое богатое выражение дул.

Под куртками на людях были свитера и меховые штаны или камуфляжные серо-зеленые комбезы. У появившегося за кустами на голове меховая шапка, а у тех, что в канаве, – легкие кожаные шлемы, глаза скрыты под очками-гоглами.

Патронов в «Карбайне» не было, так что я и не пытался его схватить. Алина тоже не стала вытаскивать из кобуры пистолет, а Шутеру вытаскивать было просто нечего. Тем более что слева из-за обломка бетонной стены выступили еще трое вооруженных бойцов. У двоих на груди болтались небольшие маски-респираторы, а третий щеголял черной меховой банданой.

Когда один из них повернулся в пол-оборота к нам, стало видно, что между лопаток его свисает волчья голова, смахивающая на капюшон необычной формы. А на ремне сбоку висит мохнатый хвост.

– А, черт... – пробормотала Алина растерянно. – Волчья бригада.

– Кто? – шепотом спросил Шутер.

– Это боевая бригада из... – она замолчала, потому что человек в меховой шапке поднял руку и, когда мы все посмотрели на него, спокойно сказал:

– Сейчас вы положите оружие на землю, спуститесь и медленно подойдете ко мне.

С этими словами он обогнул кусты, не сводя с нас внимательного взгляда.

– Ну вот, – пробормотал я, стаскивая с плеча ремешок «Карбайна». – На ловца и Край бежит.

Глава 6

Старый друг опасней новых двух

– Проходили мимо. Услышали стрельбу снизу. Решили – кто-то пытается убить слепого карлу. Остановились посмотреть, чем кончится, рассредоточились... Появились вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.